СЕРГЕЙ АЛЕКСЕЕВ

БЕЛОЕ ПЯТНО

Сергей Алексеев

Белое пятно

«Алексеев Сергей»

2018

Алексеев С. Т.

Белое пятно / С. Т. Алексеев — «Алексеев Сергей», 2018

«Белое пятно», которое находится где-то на необъятных и диких просторах Сибири, — понятие не только топографическое, это ещё и намёк на непознанное и необъяснимое с точки зрения современной науки. Действие нового фантастико-приключенческого романа Сергея Алексеева начинается с расстрела «Белого дома» в Москве в 1993 году, и затем читатель переносится в прошлое героя, которое неожиданным образом оказывается связанным с падающими в тайге «звёздами», золотоискателями в Якутии и деятельностью тайной немецкой организации «Аненербе», изучавшей необъяснимые явления и артефакты, чтобы поставить их на службу Третьему рейху. Повествование насыщено удивительными событиями и приключениями. Здесь честолюбивые амбиции Запада переплетаются с древней культурой и мистическими тайнами Востока. И это столкновение может оказаться трагичным для обеих цивилизаций.

© Алексеев С. Т., 2018
© Алексеев Сергей, 2018

Содержание

От автора 5
1 7
2 17
3 26
Конец ознакомительного фрагмента. 36

Сергей Алексеев
Белое пятно

От автора

4 октября 1993 года, когда за полдень группы спецназа Альфа и Вымпел вывели нас из горящего здания Верховного Совета, стрельба вокруг еще стояла такая, что двигаться по набережной в обе стороны было опасно. Кто в кого стрелял, не понятно, палили из гостиницы «Мир», с крыш и верхних этажей близстоящих зданий, в том числе, из недостроенного американского посольства. Стреляли и из «Белого дома», хотя его защитники уже сложили оружие, и вышли вместе с нами. Трассеры пронизывали вечереющее небо, рикошетели от земли, пугая осмелевших любопытствующих зевак. Изредка рыкали очередями из КПВТ бэтэры внутренних войск, выплевывая гильзы на асфальт, и работали засевшие где-то снайпера, выбивая бойцов спецназа и просто граждан, выведенных на ступени центрального подъезда и набережную. Все еще пытались завязать гражданскую войну. Однако Альфа и Вымпел, предотвратившие ее, стояли насмерть, и не отвечали на провокации. Они были рядом со мной, в бронежилетах, но открытые для поражения и лишь спокойно водили стволами автоматов.

Когда стрельба усилилась, с другой стороны реки, от гостиницы «Украина» подключились танковые пулеметы, хотя орудия их уже молчали. Зеваки разбежались кто куда, и на набережной под перекрестным огнем оказались всего двое – седобородый старик в пастушьем дождевике и опрятная деревенская старушка в черном полушалке, но в темных очках. Оба с костыликами, ветхие на вид, но стойкие! Пули щелкали по асфальту совсем рядом, рикошет пел в воздухе и рубил стриженные кустики, а они, то ли глухие, то ли слепые – стояли неподвижно и скорбно, как на похоронах. Только смотрели не в землю – на горящие верхние этажи. Женщины, бывшие рядом со мной, сначала махали им руками, кричали, и потом подтолкнули меня, дескать, сбегай, уведи их. Несколько человек в толпе перед Верховным советом уже ранило, а одного альфовца убило наповал. Я подбежал к старикам, попытался столкнуть их с места, однако дед замахнулся на меня палкой.

– Сам иди! – обозлено сказал он. – Нас не тронут.

Не глухой оказался, но, кажется, слепой, и старушка его тоже, ибо в руках обоих были одинаковые палочки, с которыми ходят незрячие. Они вывернулись из моих рук, отошли в сторону, но так и остались на набережной. Тогда подбежали женщины – знакомая депутатша и журналистка, стали уговаривать и оттаскивать их, однако старушенция, весьма бойкая особа, пригрозила своим костылем.

– Прочь! Ступайте прочь! – закричала она с явным немецким акцентом. – Сами вы слепые, знаете ли, что происходит? А происходит то, что я увидела еще сорок лет назад! И флаг американский, и танки!

Последние фразы были не совсем понятны, но почему-то потрясли меня не меньше, чем орудийный обстрел «Белого дома». Женщины не услышали в ее провидческих словах ничего особенного, стали допытываться у слепых, де-мол, вы случайно не заблудились? Знаете, куда идти, где ваш дом? По виду они были явными гостями столицы. Сердитый старик сначала отпихивался, затем бумажку показал, с адресом, дескать, не потерялись мы, только отстаньте. Иногда слепые носят такие на всякий случай.

– Мы из Сибири пришли. – добавила незрячая и говорливая старушка. – На коне ехали, на лодке плыли, в поезде четверо суток тряслись. Чтобы своими глазами посмотреть откровения Прахараваты.

И эта ее фраза зацепила, влипла в сознание, возможно, потому, что отдавала уже не странностью – неким старческим фанатизмом, религиозностью. По крайней мере, в последнем, совсем не знакомом слове, звучало нечто восточное, буддийское, хотя на вид вполне сельские жители среднерусской глубинки.

Нам все же удалось их сместить с открытой набережной в более безопасное место, однако старики там простояли не долго. Потом я несколько раз видел их мелькающие спины – неспешно уходили в сторону моста и щупали дорогу палочками. Это могло бы стать сиюминутным эпизодом в череде других странностей, испытанных перед горящим Верховным советом, однако история получила продолжение.

Нас продержали перед центральным подъездом до самого вечера, затем провели во двор соседнего дома – спрятать от огня, но и там стреляли. Мне с моими женщинами и еще группой защитников «Белого дома» удалось найти пристанище на шестом этаже у сердобольных москвичек, матери и дочери. На утро молодая хозяйка вывела нас к станции метро, и я начал обзванивать знакомых, чтобы спрятаться на несколько дней, пока идет «шмон». ОМОН вылавливал защитников на улицах, вокзалах и метро, было объявлено, что Верховный совет обороняли иногородние боевики, а я приехал из Вологды. После трех звонков стало ясно, что убежище у товарищей, даже очень близких, не найти – отказывали по самым разным причинам. И тут вспомнил про бумажку с адресом у слепого старика, поскольку странная эта пара не выходила из головы. Там была указана улица, номер дома и квартиры, и еще имя – Лаврентий Лукич: то ли старика так звали, то ли хозяина. Тем более, не так и далеко от Краснопресненской.

Через час он и встретил меня на пороге – пожилой, ухоженный человек с начесанным седым коком, сразу видно, бывший партработник высокого полета, но сейчас чем-то сильно расстроенный и мрачный. Дверь он открыл нараспашку, верно, ждал кого-то, однако далее передней чужого бы не впустил, но тут за его спиной появилась слепая старушка и сразу же меня признала.

– Ну и зачем ты сюда приперся? – с немецким акцентом, но как-то очень уж по-русски, как у старого знакомого спросила она. – Пойти больше некуда?

Пока ехал, готовился к этой встрече, думал, представиться писателем, объяснить, как очутился в здании Верховного совета, заинтересовать какими-нибудь деталями произошедшего расстрела. И прежде всего, извиниться за свой вид: нас две недели держали без воды и света, обложив здание стеной из колючей проволоки, за что Верховный совет стали называть первым концлагерем на площади Свободы. Но в тот момент понял, что ничего этого не требуется. Появилось ощущение, что все тут знают, угадывают и так не выгонят.

– Спрятаться надо. – честно признался я. – Дня на два…

Почти следом за мной пришел старик, отстраненный, даже нелюдимый, однако от вчерашнего вида слепца и следа не осталось – зыркал из-под бровей, как филин – тоже признал.

– Что у порога-то держите? – ворчливо спросил он домашних.

Меня проводили в ванную, дали чистую одежду, накормили и сначала уложили спать. В этот же день я услышал историю про Соржинский кряж, узнал, про экспедиции на Тибет общества Аненербе, что такое белое пятно и Прахаравата. Но обо всем этом – по порядку.

1

Особист сразу же показался ему человеком умным, но лукавым, скользким и фамилия соответствовала – Юлианов. Ерема такими людьми восхищался, поскольку сам так не мог, отличаясь прямодушием и тугоподвижностью ума. Слушал подобных говорунов, удивлялся, как у них все ловко и ладно получается, но вовремя вставить лыко в строку не умел и от того вечно расстраивался. Потом, с опозданием, он обычно находил слова, как отбрехаться на острую или вычурную мысль собеседника, и корил себя, мол, эх, надо было так-то ответить, то-то сказать. Однако вместе с восхищением он испытывал нарастающую неприязнь, а порой даже ненависть к таким людям, если по их вине сам вынужден был изворачиваться. Ерема собирался уже в обратный путь, на берегу Соржи лодку смолил, когда за ним прибежал дежурный милиционер. Домой заскочить и переодеться не дал, мол, особист нервный, ждать не любит, срочно требует для беседы, ненадолго, и больше ничего объяснять не стал или не захотел.

Хорошо отец предупредил, дескать, ухо держи востро, лишнего не сболтни. Де-мол, появился у нас тут МГБэшник, уже две недели живет, занял кабинет начальника поселковой милиции и казаков пытает, особенно промысловых, а до чего дознаться хочет – не понятно. И так зайдет, и эдак, похоже, его золото интересует, так прииски еще до войны позакрывались, или вроде китайцы-золотоноши. Ни с того, ни с сего начнет допытываться, кто и где во время войны был, как фронту помогал, есть ли заслуги перед властью, кто сколько пушнины сдал государству. Все вокруг да около ходит, куда клонит, никак не поймешь, больно уж хитромудрый этот капитан.

И почти у всех, с кем говорил, про Ерему спрашивал, похоже, поджидал его, однако сразу к себе не пригласил, а только через сутки, когда надо было готовиться в обратный путь.

А Юлианов в начале надумал в душу проникнуть, но скрыть своего высокомерия не сумел, поэтому полез туда, как разбойник, с ухмылкой, словно с ножом в зубах.

– Говорят, ты романтик, книги читаешь? И у тебя в каждой избушке – библиотека?

– Читаю. – настороженно отозвался Ерема. – Если интересные.

– А где берешь? У вас даже книжного магазина нет.

– Через посылторг выписываю.

Особист ждал чего-то другого, сначала разочаровался, однако блеснул хитроватым затаенным взором.

– А еще, говорят, ты любишь на падающие звезды смотреть?

Вот что бы тогда не отбрить его, сказать:

– Говорят, в Москве кур доят, а петухи яйца несут.

И далее бы вести разговор в том же духе, парируя язвительные нападки, но Ерема сразу набычился, спрятал глаза и почуял жар на лице. На самом-то деле он любил глядеть в звездное небо, считал его самым прекрасным явлением на земле, но об этом знать никто не знал, кроме близких, тем паче, заезжий особист.

– Что на них смотреть? – пробурчал Ерема. – Падают, да и хрен с ними, значит, лишние на небе.

Капитан от неожиданного сурового ответа даже челюстями лязгнул, погоны в звездах изогнул так, что они чуть не обсыпались. Однако лишь плечи воздел и никак более своего неудовольствия не выказал. Не теряя надежды, попытался зайти с другой романтической стороны.

– Расскажи-ка мне, друг любезный, что у тебя в Германии приключилось? Когда в армии служил?

– Ничего не приключилось. – пробубнил Ерема, презирая в себе тугодумие. – Отслужил срочную, пришел, работаю…

– Тебя в сорок пятом призвали?

– Ну да. В пятьдесят втором демобилизовали.

– Семь лет срочной? Разве столько служат?

– У меня не спрашивали сроков…

– Тебе же хотели офицерское звание присвоить?

– Хотели…

Вопрос последовал наводящий и ядовитый:

– Вместо этого из авиатехников перевели в аэродромную охрану? За что?

– У командиров узнай. – совсем уже грубо и туповато заключил он. – По моему, так ни за что.

– Узнал, – особист достал бумагу. – Может, сам скажешь? Для очистки совести? Хотя это дело прошлое, но наводит на вполне определенные размышления.

У Еремы под бородой зачесалось – верный знак крайнего возмущения. А еще пока лодку смолил, так выпачкал смолой, слиплась, как мочало…

– Я свою совесть ничем не замарал!

– Тебя перевели в охрану за порочную связь с немкой! – рубанул капитан. – Понизили в должности и звании, из комсомола исключили. И благодари командиров, не посадили. Уволили задним числом…

– Задницу они свою прикрывали! – огрызнулся Ерема. – Потому и уволили так.

И верно при этом клыки показал, поскольку особист резко изменил тон, заговорил заботливо, но будто каменный шар накатывал:

– Нам стало известно, у тебя на участке обитают злые духи. – вдруг заявил он. – Сталкивался с ними? Встречал?

Тоже можно было поиздеваться вволю над капитаном, поскольку Ерема ни в каких духов не верил, но как школьник на уроке, стал угрюмо оправдываться:

– Никого я не встречал. Ни злых, ни добрых.

– Как же? И даже не чувствовал? Ничего не замечал?

– Я в духов не верю. – упрямо пробубнил Ерема. – Это якуты в них верят, шаманы. А я хоть и бывший, но комсомолец…

– Они же всячески притесняют, не дают работать, – не внял ему особист. – Обворовывают промысловые угодья. Со мной можно говорить открыто, начистоту. Я уже с твоим отцом побеседовал, с братом Иваном. Они оба говорят, злые духи есть. Они и охраняют Соржинский кряж, не всякого туда впускают.

Вот что бы не зацепить въедливого капитана, и впрямь свалить все на злых духов, коих наслали на Соржинский кряж якутские шаманы. И пусть бы гадал сидел, дурят его сказками или на самом деле местные люди суеверны, но Ерема напрочь утратил полет мысли и тупо произнес:

– На чистоту и отвечаю – ничего сверхестественного не наблюдал.

– Не понимаю, отчего ты упорствуешь. – будто бы проявил участие капитан. – Отец у тебя каждый день с ними сталкивался, пока промышлял. Поэтому и охотиться перестал. Может, запугали они тебя?

– Как меня запугать-то?

– Мало ли как… Избушку сожгли, например, как у брата твоего, Ивана. Настороженные ловушки, капканы спускают, дичь пугают. Или хуже того, пригрозили самого с ума свести.

– Ничего такого не было.

– И шаманы не появлялись?

Ерема наконец-то справился со своим тугодумием.

– С виду ты человек вроде нормальный. – сказал, озирая особиста. – А умом, как якут, про духов рассуждаешь. Или для потехи только? Так мне некогда с тобой тут дурака валять. Надо лодку смолить.

Особист, видно, понял, ничего так не добиться и опять на круг пошел, расстелил карту на столе:

– Покажи-ка мне свой участок, Осягин.

Ерема посмотрел, нашел поселок, реку Соржа, точнее, нижнюю ее, северо-восточную часть – на всем остальном, словно кучевое облако, лежало белое пятно.

– Не покажу, его тут нету.

– Совсем нет?

– Соржинский кряж как раз посередине белого пятна.

– Этим летом топографическая экспедиция придет. – пообещал капитан. – Съемку будут делать, пробелы на карте заполнять. Но ты же слышал, это место называют белым пятном по другой причине. Будто люди заходят туда и пропадают?

Подобные байки про Соржинский кряж Ерема с детства слышал, но только в детстве им и верил.

– Болтовня все. – отмахнулся он. – Я ведь хожу там, живу и не пропал. И отец там промышлял, и дед.

– В том-то и штука. Одни туда входят и выходят свободно, а другие исчезают бесследно.

– А нечего с дурными помыслами ходить. – отпарировал Ерема и понял, что сделал это зря.

– То есть, ты все-таки веришь в сверхестественные силы природы?

– Ну, мало ли как бывает. – стал оправдываться он. – Раз на раз не приходится. Загадки, конечно, есть…

– Ты от кого услышал, что Соржинский кряж называют белым пятном? Это же термин чисто географический.

– Первый раз от геологов. – удачно признался Ерема. – В отрочестве я с ними ходил в поход. То есть, в экспедицию. Они и объяснили, что если нет топографической съемки, то территория слепая. То есть, темная, не изведанная.

– Поэтому там могут пропадать люди?

– Да кто особенно-то пропадал? Находили потом…

– Но китайцы пропадали?

– Говорят, пропадали…

– А однажды исчезла целая приискательская артель, человек десять. Слыхал?

– Слыхал. – усмехнулся Ерема. – Только они не исчезли – заблудились. И вышли потом на Индигирку.

– Километров за триста от Соржинского кряжа! И по дороге двух своих товарищей съели.

Он и про это слышал, поэтому отозвался ворчливо:

– А нечего там делать с недобрыми помыслами. Еще мой дед так говорил.

Особист положил перед ним лист бумаги.

– Укажи, как река протекает, и где горы стоят. Ты же хорошо эту местность знаешь?

– Ну, знаю…

– Нарисуй. – он дал карандаш. – Границы участка и примерное расположение твоих избушек.

Ерема наугад провел извилистую черту с севера на юг и наставил кружочков.

– Это Соржа и горы. – добавил пять крестиков. – Тут избушки…

Особист посмотрел рисунок, покачал головой.

– Да, сотрудничать с органами ты не хочешь, Осягин. Твой отец совсем другое расположение нарисовал. А напрасно…

– Как умел, так нарисовал…

Капитан все еще проявлял терпение и вопросы задавал неожиданные.

– Почему ты до сих пор не женился? Про тебя говорят, чуть ли не первый жених в поселке. Десятилетку окончил, авиатехником служил, мастеровой парень. А в лесу живешь один….

– Свою суженую жду. – теперь уже ухмыльнулся Ерема. – В нашем казачьем роду так положено.

– А может, завел себе на промысле бабенку? – капитан подмигнул, – Какую-нибудь якутскую шаманку?

– В Соржинском кряже якутов сроду не бывало…

И договорить не успел, как особист уже другой вопрос заготовил:

– Ты сейчас зачем из тайги вышел? С какой целью?

– Пушнину сдать, продуктов прикупить и завезти.

– А что так поздно? Все давно уже сдали пушнину.

– Я же к Сорже привязан. – уже без вызова проговорил Ерема. – Река вскрылась и поехал…

– Сколько же ты до Потоскуя плывешь?

– Двое суток.

– А обратно?

– Четверо по большой воде. По малой – неделю.

Юлианов не юлил – вертел вопросы в разные стороны:

– Ну и как? План по добыче выполнил?

– Вдвое перевыполнил…

– Это я слышал, портрет на доске почета висит, передовой промысловик.

– Угодья хорошие…

– Говорят, удачливый ты охотник, на ловца и зверь бежит…

Ерема не захотел продолжать такой разговор – стеснялся, поэтому свел его на нет:

– Как придется…

– Скажи-ка, Еремей Лукич, а заготовитель пушнины вас обжуливает?

– Не без этого. – сдержанно сказал тот, пытаясь понять, куда клонит собеседник. – Но по божески…

– Ты уже продукты закупил, и завтра назад, в тайгу?

– Пока вода не спала…

Капитан достал еще одну бумажку.

– Мука, крупа, соль, это я понимаю. Керосин, макароны… А вот кому ты купил ящик галет, сгущенное молоко и сорок плиток шоколада?

Ерема насторожился, но виду не показал.

– Как кому? Себе.

– Сорок плиток шоколада? Весь в магазине забрал!

– Было бы в ОРСе больше – взял еще…

– Но раньше ты никогда не брал таких сладостей.

Верно, особист думал, поймал его с поличным, к стенке припер – даже лезвие ухмылки уже зубами зажал.

– Раньше я у отца мед брал. – признался Ерема. – Нынче нету.

– Почему нет?

– Прошлым летом взяток был плохой.

– И ты решил побаловать себя сгущенкой, шоколадом?

– А что? Я в армии к шоколаду привык. Сухим пайком выдавали.

Капитан опять вздыбил плечи и от возмущения чуть ли не на крик сорвался:

– Ты мне кончай прикидываться! К шоколаду он привык! Что же раньше-то на него не тратился?

– Говорю же, мед брал…

– А нынче аж на три тысячи шоколаду купил?

– На что мне еще тратить? Семьи пока что нету, а я двадцать семь тыщ чистыми получил…

– И решил злых духов задобрить? Так сказать, воздать жертву?

Ерема только руками развел.

– Что-то я не пойму никак. Ты про духов серьезно толкуешь? Или придуриваешься?

И так захотелось треснуть по его масленой роже!

Особист тоже кулаки стиснул, но сдержался, чувствовалось, вскипает, однако целый стакан воды выпил, будто пожар внутри затушил. И голос сразу стал вкрадчивый, парной:

– Ладно, а зачем лампы искал? Ты же спрашивал у киномеханика электронные лампы?

Запираться тут не было смысла.

– Спрашивал, хочу старый приемник отремонтировать.

– Радио слушать? А лампы искал для радиопередатчика, судя по маркировке. Ну, и что ты скажешь?

Ерема пожал плечами.

– Должно быть, они одинаковые…

Особист не дал договорить, рубанул кулаком по столу:

– Хватит врать, Осягин! Кому потребовались лампы для радиопередатчика?

– Злым духам. – пробурчал тот. – Кому же еще?

Капитан на шутку не обиделся, напротив, облегченно вздохнул:

– Это уже ближе к правде… – и пригрозил. – Запомни, Осягин, будешь врать – срок схлопочешь. Теперь отвечай, откуда у тебя эта вещица?

И поднял за цепочку серебряные швейцарские часы, отобранные у Еремы, когда привели в милицию. У того ответ был заготовлен:

– Трофейные, с фронта привез.

– Ты же не воевал?

– Но в Германии служил…

– А надпись на оборотной стороне крышки читал?

– Там не по-русски написано.

– Верно, по-английски, и звучит это как Куз.

– Мне все равно, трофейные…

Юлианов всякую надежду потерял, рассердился:

– Сейчас в камеру! Посиди, подумай. Завтра мне все про духов расскажешь. И особенно про часы! Кто и когда подарил.

И вызвал дежурного милиционера…

* * *

Безлюдную, благодатную эту землю даже стихии не трогали. Ураганы рассекались горами и проносились мимо, таежные пожары упирались в широкие, но мелкие каменистые реки, либо скалы с россыпями курумников и заглыхали еще на дальних подступах, суровые морозы распадались на два потока и уходили один на запад, другой на восток, огибая неприступный Соржинский кряж. Стоял он словно корабль между двух сибирских рек, разделяя водные и воздушные потоки, а может быть и все пространство до небесной выси. Даже Тунгусский метеорит, целивший в плоские вершины правого борта кряжа, будто на стену наткнулся. Редкие старики-очевидцы, в частности дед Еремы, своими глазами видел, как слепящая звезда сначала пошла к

земле, но в последний миг будто зависла! А потом скользнула вверх, унеслась к Подкаменной реке и уже над нею хлопнула да сгорела. А тут ни единого дерева не свалилось, разве что по реке волна пошла, на горах лед растаял, и тундровые болота на вершинах в единый миг высохли. Зато другие звезды, совсем малые, падали на кряж часто, и часто рассыпались в прах или таяли – говорят, ледяными были. Еремин дед такую звезду находил и целиком принести не мог, так кусок отколол топором и положил у себя в избушке. На вид и в самом деле, как прозрачный лед, но теплый и не тает, а будто сразу испаряется. Полежал осколок такой звезды недели три – вдвое уменьшился. Остатки дед хотел в Потоскуй привезти, детям и внукам показать, но пока плыл на лодке по Сорже, метеорит исчез. Другие же казаки много раз находили оплавленные камни величиной с кулак и поболее. Считалось, тот счастливый, кто нашел остывшую звезду, от зубной боли помогала и от пупочной грыжи у младенцев.

Но вот когда золотая лихорадка охватила всю Восточную Сибирь, эта лютая стихийная хворь доползла и до Соржи. Долее всех не поддавались ей казаки, продолжали пахать, сеять, лошадей разводить, но неотвратимая напасть и их достала, заразились даже самые стойкие к зачумлению, жившие тут особняком, казачьи становища. Казаки давно не служили, при шашках не ходили, однако ремесло свое земледельческое помнили, снабжая хлебом и конями всю округу. И только зимой, зажиточные, но томимые бездельем, промышляли пушного зверя и рыбачили. Так ведь и стойкие казаки поддались искушению, побросали свои поля, с такими трудами отвоеванные у тайги, оставили промысловые участки и отправились на прииски. Или вовсе начали добывать золото на своих нивах, сдирая гумусный плодородный слой, под которым лежали сокровища.

А через три десятка лет лихорадка иссякла сама по себе вместе с россыпями и схлынула, как шрамы оставив шурфы, канавы, горы перемытого песка и приискательские названия поселков – Покукуй, Погорюй и Потоскуй. Это не считая двух десятков станов и заимок, где бараки, под завязку забивались зимующими золотушниками. Каждую осень они выходили из тайги и первые недели начиналось лютое веселье. Разумные да рачительные, гуляли пару дней и отправлялись к своим семьям, да таковых было на пальцах перечесть. Артельщики из дальних мест зимовать оставались, прогуливались вдрызг, а потом сидели куковали, горевали да тосковали, ожидая летнего сезона. Ну, мол, в следующий раз умнее будем, купим у казаков коней с санями, загрузим гостинцами да товаром и мимо всех кабаков, по домам. Бывало, фартовые покупали даже тройки – зимой по рекам катись – не хочу, мануфактуру брали штуками, сахарных головок дюжинами, инструмента плотницкого и всякого, и как тут не подвернуть к харчевне, чаю не попить на дальнюю дорожку? Тем паче, шальные румяные девки у дороги с подносом стоят, дармовую рюмку наливают и даже не зазывают? Напротив, торопят и доброго пути желают? Креста что ли на шее нет, мимо проехать? А поднесли лафитник – не заплатить за второй грех великий!

Миновало еще пятнадцать годков, и от болезни следа не осталось, половодья на речках выгладили перекопанные русла, хвойный самосев и глубокие мхи затянули раны и даже брошенные селения и станки золотушников, некогда бывшие до трех тысяч душ каждый. Пришлый народ быстро разъехался, рассосался по другим фартовым местам, а старожилам и особенно казакам ехать было некуда. Только вот пахотной земли в низовьях Соржи не осталось – большую часть срыли, перемешали с бесплодной глиной, поскольку поля были в долинах золотоносных рек, остальная заросла горьким осинником да ельником! Вольные пахари снова пожогами землю отобрали, да только она родить перестала, поскольку семена утратили, не стало ржи, ячменя и пшеницы, что вызревала в холодных долинах между гор. Пробовали и так, и эдак, возили семена из северных районов, по сусекам в амбарах скребли, полы разбирали, дабы зернышки отыскать, даже в колхоз собрались, чтобы пересилить беду, но местного хлеба больше не поели. Лошадей еще держали, но и них надобность отпадала, не стало покупателей

– фартовых артельщиков, трактора да машины появились, по рекам пароходы зачастили. А потом после коллективизации вовсе строго-настрого запретили на своем подворье коня иметь!

И тогда казаки принялись разводить зверье – черно-бурых лисиц, енотовидных собак и клеточных норок. Богатые приискательские поселки захирели, впрочем, как и старожильческие, казачьи, остатки населения собрались в один – Потоскуй, где еще до войны успели построить звероферму, шпалорезку, клуб и школу. А многие казаки поделили между собой охотничьи угодья и снова взялись за оружие – пошли добывать пушнину, чем и прежде занимались в зимнее время, но только как приработком.

Так вот Ерема Осягин и сделался потомственным промысловиком, поскольку угодья ему достались от отца, Луки Прокопьевича, а тому от деда. После золотой лихорадки отец возвращался к промыслу трудно, все еще мечтал отыскать свою заветную россыпь или жилу. Но легкий фарт ему не давался, и мало-помалу он вернулся к привычному ремеслу, перед войной с сыновьями срубил десяток новых избушек, обустроил ловушками путики – в общем привел промысловый участок в полный порядок. Когда старших, Ивана и Лаврентия, забрали на фронт, охотился в одиночку по всему Соржинскому кряжу и ничего не боялся. Младшего Ерему брал с собой только летом, зимой учиться заставлял, чтоб десятилетку окончил – мыслил поскребыша в геологи отдать, заметив любовь к камешкам. В войну Лука Прокопьевич в передовики вышел, больше всех пушнины сдавал, ордена хоть и не дали, но почетными грамотами пол стены в избе завешал. Оказывается, всю добычу промысловиков отправляли в Англию и Америку, рассчитывались таким образом за военную технику. Так вот, отец Еремы за всю войну сдал пушнины на три танка, два самолета, добрую сотню пулеметов, это не считая гранат и патронов. Даже такое свидетельство получил – личный вклад в Победу над врагом. Еще бы чуть, и на трудовой орден послали, но не задолго до конца войны Лука Прокопьевич пришел из тайги и больше туда не вернулся, сославшись, что изработался, ноги болят, глаза не видят и руки трясутся. И вид при этом был такой, словно кто-то сильно его напугал.

А тут Ерему призывали на фронт, и когда провожали, подвыпивший отец вдруг признался ему, что здоровье у него все еще богатырское, но на промысел он больше не пойдет. Будто якутские шаманы пробудили на Соржинском кряже злых духов. Сами якуты там никогда не жили и не охотились, считая это место проклятым, а казаки никакой ихней чертовщины не боялись, когда-то пришли сюда, чтобы встать заставой на пути хунхузов и осели на свободных землях и промысловых угодьях. Хотя якуты предупреждали, мол, придут черные шаманы, попляшут у своих костров, навлекут беду: по преданию, где-то в горах было их черное святилище. В первый же промысловый год Ерема на него случайно и наткнулся: круглая загородка среди каменных останцев и вырубленные из дерева истуканы стоят. Все уже старое, погнило, однако заметно, шаманы сюда приходят, только не понятно, задабривать или пробуждать злых духов. Совсем еще свежие ленточки на ветру трепещут и уже послевоенные монеты на камнях лежат. Но что более всего удивило, соболиные и беличьи шкурки висят! Будто злым духам тоже шапки нужны. Само место не приятное, кругом старые деревья скрипят, будто люди разговаривают.

Пришедшие с фронта старшие братья ни духов, ни чертей не боялись и взялись за отцовское дело. У Ивана охотничий промысел сладился, а Лаврентий, человек веселый и компанейский, таежное одиночество переживал трудно. К тому же поступил учиться на биолога – думал, потом на звероферме работать, а его взяли и назначили управлять целым районом: с войны он пришел лейтенантом, умел командовать. Стало ясно, что средний брат в тайгу больше не вернется, поэтому когда младший Ерема отслужил срочную и вернулся, то отцовский участок разбили на две части и бросили жребий, чтоб не обидно было. Обработать такую огромную территорию вдвоем было очень трудно, однако никто из промысловиков не захотел больше осваивать эти угодья – слухов про черных шаманов опасались. Ереме досталась теплая, южная его часть, примыкающая к истоку Соржи и будто стенами огороженная плоскогорьем, а Иван

забрал северную, холодную, но зато более близкую к жилым местам – в тридцати верстах от Потоскуя, и сплошь изрезанную ручьями и речушками. А поскольку золота в этих местах не нашли, то оставили их без всякого внимания – даже карт не было. Но у Ивана хоть старые тропы были, по крайней мере, можно конные санные пути намять и кататься всю зиму. В зверопромхозе охотникам давали казенных коней, с упряжью, телегами, санями, и даже содержание их оплачивали, то есть заготовку сена и овес. А у Еремы же глушь непомерная, сто с лишним верст от жилья, и ни полноводных рек тебе, чтоб осенью лодкой добираться, ни дорог и только тропы, еще дедом протесанные и намятые. Только в половодье и можно на гребях пройти плоскодонкой, да и то через пороги веревкой перетягивать. В иное время по единственной дедовской тропе, с завьюченной лошадью в поводу, с понягой за плечами, через десять перевалов да бродов. А зимой так только на лыжах – что принес таким образом с собой, тем и будь доволен, остальное в тайге доберешь.

Кроме казаков сюда никто не ходил, перед войной геологи наняли отца проводником и прошли весь кряж вдоль и поперек. Ни золота, ни других полезных ископаемых не обнаружили, топографы так вообще здесь не бывали, район значился белым пятном. И не только на картах – сказывалась якутская молва про обиталище злых духов. Лука Прокопьевич пошел с геологами не один – всех сыновей взял, чтоб пристрастить к этому делу. Двое старших сразу как-то большого интереса не проявили, за птицей охотились да костры на забаву жгли, а поскребыш Ерема от инженеров не отходил, ему даже молоток дали, камни колоть. Вот он ходил и колол – упавшие звезды искал, кто-то из геологов надоумил.

И однажды отстал и исчез! Все поисковые работы прекратили, три дня тайгу прочесывали, орали и стреляли, по ночам в подвешенное еловое бревно били, чтобы на звук вышел. И уже подумали, зверю в лапы попал, а Лука Прокопьевич третью ночь не спал, ну и сморила его под утро у костерка. И вдруг поскребыш за плечо его трясет:

– Батя, пойдем в шалаш спать? А то я замерз…

Отец глаза открыл, думал, грезится от горя, но глядь – Ерема стоит со своим молотком, полную сумку камней разных набрал.

– Где же ты был, сынок? – обрадовался он и сына ощупал. – Четвертые сутки тебя ищем!

– Я далеко и не уходил. – признался Ерема, – С утра вон к той горке сходил и назад…

Он с детства тайги не боялся.

По началу к этому отнеслись, как к ребячьему озорству и хитрости, чтоб от отца не влетело, рады были, что парень нашелся и простили. А он ходит за геологами и канючит, мол, посмотрите мои камешки, полезные ли эти ископаемые? Один инженер и стал смотреть, чтоб отстал, но сумку вытряхнул, а там самородное жильное золото, магнетит, кобальт, вольфрам и много чего еще. Ничего подобного геологи в Соржинском кряже и близко не встречали!

– Где взял? – спрашивают. – Веди, показывай!

Ерема их повел, но сколько бы рудознацы камней не колотили – ничего подобного нет. Несколько дней водил, сам молотком бил по глыбам и диву давался – ни одного полезного ископаемого! Геологи тогда самого Ерему и Луку Прокопьевича заподозрили в хитрости, дескать, сами знают, а показать не хотят, чтоб потом поживиться. И даже деда сюда приплели, мол, слышали, он у вас хоть и красных партизанах был, но колдун. Про него и в самом деле ходили такие слухи, однако же напрасные.

И второй случай был, когда престарелый дед Прокопий умер. Ерема после армии охотился первый сезон, и отец послал старшего сына Ивана за поскребышем, дескать, не хорошо будет, если не проводит в последний путь. Иван хорошо знал лишь свою половину Соржинского кряжа, однако и на другой половине часто бывал, но тут побежал на лыжах прямицами и не нашел ни брата, ни избушек его, ни даже набитых путиков и следов! Будто сквозь землю Еремины угодья провалились!

Переполошился, прибегает в Потоскуй через два дня и едва сам на похороны успел. А поскребыш сидит возле гроба как ни в чем не бывало, деда оплакивает. Тот Ерему очень уж любил, и посоветовал взять ему дальние южные угодья Соржинского кряжа, мол, всегда с добычей будешь, если душа чиста. Оказывается, еще вчера Ерема сам с промысла прибежал, говорит, будто дед его в затылок ткнул – а он любил внукам тычки давать, и говорит:

– Ну-ка поди да проводи меня в последний путь.

Вот Ерема и сорвался. Про его деда слава ходила, будто он и в самом деле колдун: бывало, придет с промысла весной и говорит казакам, кто землю пахал:

– Нынче пшеницу не сейте, не урожай будет. Рожь сейте.

Кто не послушает, ни с чем оставались. Или когда золотая лихорадка началась, напророчит, чтоб на такую-то речку артелью не ходите, пусто будет. А казаки смекают, мол, дед Прокопий на это место вздумал сына своего, Луку послать, потому так и говорит. Соберутся, пойдут на все лето и к зиме приносят по щепотке – даже провиант и табак не окупить. Однако более всего дед отличился своим колдовством в гражданскую войну, когда казаки ни к белым, ни к красным не примкнули, дескать, мы за царя, а не молодой уже Прокопий записался в красные партизаны, сам с винтовкой и шашкой ездил и других агитировал за Советскую власть. Мол, она, эта власть, самая подходящая и для казаков, и для промысловиков и непременно победит. Некоторые послушали деда, тоже в партизаны ушли, а скоро так и вышло, Советы победили, и Прокопия хотели даже в партию принять и председателем сделать. Но он сказал, дескать, не ради этого воевал, и ушел в Соржинский кряж. За ним сначала сына Луку посылали, потом целой делегацией ходили – посчитали, не дело это, когда зачинатель партизанского движения и борец за Советскую власть отшельником живет. Никто сыскать не мог! Решили, сам погиб, либо беляки, что прятались еще по тайге, убили и под мох сунули. Именем партизана Осягина прииск назвали, улицу в Потоскуе и памятный столб установили. А спустя пять лет он вдруг является живой и здоровый, с семьей своей, с родней повидался и опять в тайгу.

Ереме как раз и достались угодья, на которых дед любил промышлять. Когда не знакомые люди, а чаще хитрые, но обескураженные заготовители пушнины спрашивали, ты откуда, мол, Еремей Лукич, таких черных соболей приносишь, если у других они больше светлые – он лишь руками разводил, дескать, ниоткуда. Кому точнее захочется узнать, приходите на исток Соржи, покажу. И некоторые ведь ходили, да только впустую: или речка обмелеет не в сезон, или в такие дебри забурятся, что самих потом ищут.

А спрашивали так, поскольку однажды заготовитель пушнины оскандалился: принял от Еремы более полусотни черных соболей высшего сорта, привез в город, стал сдавать – все светлые оказались. Начали его следователи крутить, мол, или сам подменил, или Осягин тебе глаза отвел и подсунул бросовую пушнину, поскольку дед у него хоть и красный партизан, но ведьмак был. В общем, заготовителя посадили, а другие стали Ереминых соболей в отдельный мешок складывать, сургучную печать вешать и еще крестить от нечистой силы. Однако все равно принимали пушнину с опаской и глядели на него с затаенным испугом. Ерема семьи после службы в армии еще не завел, к женщинам в лучшем случае относился со снисходительной настороженностью, и большее время в году пропадал в своем белом пятне – в самом деле будто на тот свет, в небытие уходил и возвращался. Даже самолеты над теми местами не летали, а в радиоприемнике слышался лишь ровный шум эфира, заполненного диким еще и естественным электрическим полем.

В Потоскуе Ерема появлялся весной, спускался по Сорже на плоскодонке, да и то на несколько дней, чтобы поспеть вернуться назад, пока вода большая. Пушнину сдавать приходил, солью запастись, керосином, медом и солдатским бельем, которого в каждой избушке надо было держать пары две-три. Чтоб пришел с путика, снегом обтерся и переоделся в сухое, а пропотевшее постирал: еще дед учил, станешь тело в чистоте держать – ни одна хворь не пристанет и душа будет чиста. А все остальное Ерема в тайге добывал, даже шкуры мять научился,

чтобы одежду шить, и ходил, как якут, с ног до головы в мехах, олени за своего принимали, только рогов не хватало. Пол лета готовился к охотничьему сезону, избушки чинил, сено коню косил, затем уже верхом приезжал на месяц – полтора, чтобы отцу помочь – тот на старости пасеку завел. Осенью же завьючит казенного жеребца крупой, мукой да книгами – в армии к чтению пристрастился, и снова в тайгу до весны. Отыскать его в белом пятне мог разве что Лука Прокопьевич, но тот все еще злых духов опасался и в тайгу не ходил, но вздыхал по прежней фартовой жизни золотушника.

Лука Прокопьевич в молодости золотой лихорадки глотнул сполна, и очень уж хотелось ему, чтобы кто-то из трех сыновей рудознацем заделался, вот и потащил всех с собой, когда геологи взяли его проводником. Геолог для него был, как чудотворец: без малого двести лет казаки топтали эту землю, пахали ее, сеяли, получая совсем уж скудные урожаи, а пришли знающие люди, и оказалось, по золоту служилые люди хлеб сеяли! Приискатели на спор черпали землю с пашни, промывали в воде и собирали золотой песок! Отец в тайне надеялся, выучится Ерема, приедет и найдет золотую россыпь или жилу: очень уж нравилась ему приискательская жизнь. Часть полей в долинах рек и ручьев сами казаки уже взрыли, перелопатили, и кто сохой их ковырял много лет, тому удалось разбогатеть так, что начали покупать новые участки россыпей и артели нанимать. Иные золотушники из казаков на тройках катались, в Потоскуе двухэтажные дома возвели, всяким узорочьем украсили, своих детей отправили учиться в города. А Лука Прокопьевич что добыл на своей ниве, с тем и остался, не успел разбогатеть, и никого из сыновей на геолога не выучил. Иван сразу отказался, Лаврентий в начальство пошел, однако старший при этом все равно тянулся к общинной жизни, поближе к жилью, потому и получил по жребию промысловый участок близ Потоскуя. Путики набьет, ловушки насторожит и скорее в поселок, к жене и детям. А поскребышу Ереме же напротив, чем дальше от людей, тем лучше казалось, по крайней мере, первые годы после армии.

Однажды в отрочестве он увидел, как на гору звезда упала. Ерема у подножья стоял, на осыпи, совсем близко, так сначала запах ее почуял – как после грозы пахло, а потом одну искру поймал! Еще горячую застывшую каплю. С тех пор он пристрастился звездное небо разглядывать, и повзрослев, никак не мог отделаться от привычки, а за семь лет аэродромной службы еще добавил этой страсти. В тайге надо бы себе под ноги глядеть, в лучшем случае, не выше крон деревьев, где таится дичь, а Ерема задерет голову и ходит. Запнулся, и вот уже земля перед глазами, а то и полный рот! Сколько раз расшибался, не счесть, и все равно не избавился от верхоглядства. Бывало, даже зимней ночью выскочит босым, нужду перед сном справить, забудется и глядит на звезды или считает, сколько упало, да так увлечется, что и мороз нипочем. Ерема всегда думал, нет на земле ничего красивее, чем небо! И стали про него говорить, мол Осягинский поскребыш весь в деда, если не колдун, то с большой причудью парень. Иным людям нравились леса, поля, горы и реки, а у него душа заходилась, когда он вскидывал голову и будто уносился ввысь – аж жутко становилось, если вниз глянуть.

2

Собрание было назначено на вилле Вальдзее между пятью и семью часами вечера. Столь значительный разброс во времени диктовался обстоятельствами существенными: полноправные члены общества являлись ответственными работниками министерств Рейха, службы СС и СД, могли не опустить дела. А некоторые из них любили приезжать чуть раньше, чтобы отдохнуть у лесного озера и даже половить рыбы. Удочки и наживку выдавали на берегу в специальном киоске, и туда же можно было сдать улов, чтобы его приготовили к ужину. Кроме этого можно было покататься на лодке и провести предварительные беседы вдали от чужих ушей, или просто полюбоваться красотами местности, особенно золотистой осенью, когда стоят желтые и красные клены, оранжевые буковые заросли и еще зеленые дубравы. Сама вилла была с претензией на замок, по крайней мере, фасад венчали две декоративные башенки, в которых сидели наблюдатели или охранники в черной форме. Ее бывший хозяин, потомок курфюрстов, был уличен в неблаговидном деле – совращении малолетних девочек, и чтобы избежать тюрьмы, почти за бесценок продал Вальдзее на подставное лицо в СС. Виллу покупали для постоянно действующей загородной резиденции Ананербе, однако использовали чаще, как место для собраний и отдыха ее членов. Штаб-квартира по прежнему оставалась на вилле Вурмбах, а сюда можно было приехать в любое время, когда не проводилось официальных мероприятий, за не большую плату получить комнату с трехразовым питанием, лодку и удочку. Лесной покой и неторопливая жизнь способствовали такому же ряду размышлений, поэтому Вальтер Гик приезжал сюда обычно в конце недели, дабы упорядочить мысли и заново подвести убедительную аргументацию под уже принятые или принимаемые решения.

Заседания тайного общества здесь проводились скорее для порядка, наскоро обсуждалось все, что было наработано и уже согласовано, вносились не существенные коррективы и затем следовал вердикт по заранее подготовленному проекту. Бонзы из СС, преследующие масонов, сами любили поиграть в них, оказавшись в Вальдзее, пытались выстроить братские отношения, не зависеть от чинов и званий, поначалу намеревались даже обряжаться в балахоны с капюшонами. Однако умозрительные традиции никак не прививались, по всей вероятности, из-за места, более располагающее к отдыху, нежели чем к вещам серьезным и символичным. К тому же, они до конца не понимали, с какой областью знаний, с какими веществами и тонкими материями имеют дело. Привыкшие мыслить фактами, конкретными именами ученых, географическими точками на карте, высокие чины интересовались конечным результатом, а процесс доставлял им хлопоты, неудобства и головную боль. У них наблюдалась типичная детскость мышления: они искренне верили в чудо. Будь то продление жизни за счет элексиров бессмертия, создание психологических противотанковых барьеров или сверхоружия на основе новейших научных открытий и технологий.

А причиной всему этому была малообразованность чинов СС – только единицы когда-то учились в университетах, да и то их не закончили, увлекшись идеями национал-социализма. Единственным, кто понимал всю сложность процессов и действий, был Рудольф Гесс, с которым Вальтеру довелось работать, но он временно выбыл из игры, и теперь приходилось убедительно доказывать закономерность тех или иных действий. Братья по обществу в тот час же становились высокими чинами, с дотошностью экзаменаторов требовали аргументов и мотиваций, доступных для их сознания. Они верили в чудо и его жаждали, но при этом Вальтер был вынужден всякий раз объяснять им природу чудесного фразами материалистического плана. Так было, когда операция «Мост» только еще планировалась, и члены общества, в том числе, председательствующий на собрании Гиммлер, не могли взять в толк, каким образом тибетские монахи, собравшись в большой круг для массовой медитации, способны остановить наступление танковой колонны. В сознание чиновников из СС никак не укладывалась практическая

сторона дела; они понимали, что действиями танкистов можно управлять командами по радио или через громкоговорители автомобилей спецпропаганды. Но не в состоянии были до конца поверить, что это же можно сделать силой мысли. Навязать противнику страх, неуверенность, посеять панику, возбудить желание бежать с поля боя или сдаться в плен. Кроме того, вставал вопрос и о том, как контролировать самих медитирующих монахов, мало что им взбредет в голову.

Вальтеру удалось качнуть чашу весов в свою сторону, лишь после того, как провел простенький эксперимент на собрании в Вальдзее. Он записал на бумаге и запечатал в пакет задание самому себе – внушить одновременное желание сходить в туалет. Вальтер заметил, что перед собранием почти все присутствующие пили много пива, гуляя по парку. Поэтому сел в позу лотоса, вошел в состояние медитации и через несколько минут члены общества заерзали в своих креслах. Забеспокоились даже те, кто пива вовсе не пил, но уже начался массовый психоз, и тут Гимлер объявил перерыв. В туалет мгновенно выстроилась очередь, а кому было не втерпежь, побежали в парк, в кусты. После перерыва председательствующий вскрыл пакет, но вслух читать не стал – предложил утвердить операцию «Мост» и отправить экспедицию Вальтера Гика на Тибет.

Операцию он провел блестяще – это отмечали все, кто был посвящен в ее детали. А предстояло пройти десяток монастырей, чтобы отобрать сорок духовно зрелых, сильных и одаренных монахов, дабы потом вывезти их в Рейх. Задача казалась невероятной сложности: без ведома настоятеля дацана ни один насельник не имел права покинуть обители. Тем более, ехать за тысячи километров в чужую страну, живущую по иным правилам и законам. Не смотря на уединенное жительство в горах, ламы были неожиданно хорошо информированы о текущих делах в Европе. Они знали, что такое национал-социализм, почему идет война на востоке, совершенно трезво и реально оценивали расклад сил в мире, и некоторые откровенно поддерживали расовые идеи германцев. Но каждый дацан здесь был как автономное государство, со своим ламой, порядками и нравами, рекомендательные письма не работали и никакие заслуги чужеземца в расчет не брались. Тибетские монахи воспринимали германцев, как арийский народ с большой натяжкой, иные и вовсе считали его дикой смесью романских, славянских, семитских и сакских народов, вываренных в европейском котле. А самого их посланника не признавали за буддийского монаха. Вальтер Гик четыре года жил в бурятском монастыре, где прошел курс обучения, был посвящен в монахи самим Далай-ламой, после чего еще три года учился в северной Индии. Однако для тибетских монастырей он все равно оставался неким путешествующим европейцем, далеким от восточного мироощущения, а надо было во что бы то не стало наладить мост между этими двумя цивилизациями, некогда бывшими в одной арийской связке.

На последнем курсе университета Вальтер увлекся восточной культурой и религиями, получил соответствующую специализацию, но прежде чем серьезно заняться наукой, решил испытать себя и пожить некоторое время уединенно в природной среде. Оказалось, что сделать это в Германии возможно лишь в чьих-то охотничьих угодьях, на лесном кордоне, исполняя обязанности егеря. Так он попал в заповедное местечко Брутхоф, принадлежащее тогда некому бывшему вельможному чиновнику Веймарской республики и впоследствии переданное Герингу. Одинокая жизнь в лесу Вальтера вполне устраивала, он освоил искусство следопыта, обеспечивая успешную охоту на оленей и кабанов его многочисленным гостям. Но это случалось редко, все остальное время он был представлен сам себе и мог делать все, что угодно. Он построил себе хижину в глухом лесу и стал вести образ жизни, подражая традициям буддийских отшельнических монастырей. Он носил одежды, которые сам шил из шкур животных, питался лишь тем, что мог добыть без помощи какого-либо оружия, испытывал себя холодом и голодом. И открыл для себя удивительное состояние просветления от аскезы, когда суета

вокруг замерзает до самого дна, и сквозь этот лед отчетливо проступает истинная цель – во имя чего и ради чего следует жить.

Тут-то молодого егеря и ученого естествоиспытателя заметил Рудольф Гесс, бывший однажды на охоте. Одна ночь, проведенная у костра в беседах и спорах, решила судьбу Вальтера. Но прежде чем возглавить экспедицию на Тибет, потребовалось восемь долгих лет учебы и скитаний по восточному миру. И где бы он ни был, всегда помнил свою колыбель – дубовые леса в Брутхофе, и мечтал после победы когда-нибудь вернуться туда и уже поселиться навсегда.

На Тибете Вальтера приняли дружелюбно всего лишь в трех монастырях; в других встречали холодно или вовсе враждебно, хотя связь между ними была, и монахи отлично знали, кто и зачем к ним пришел. Сказывалось влияние коммунистического Китая, который нагло вмешивался в жизнь Тибета. Вальтер не рассчитывал на легкий успех, и как всякий странствующий монах брел дальше, без уныния и обид, если получал отказ от взаимодействия. И постепенно складывалось чувство, что этот народ в горах рождается и живет лишь для того, чтобы служить даже не богу – философии, как науке и бесконечно самосовершенствоваться, а светская жизнь для них кажется убогой, низменной и не нужной.

Достаточно глубоко изучив праджню-парамиту – концептуальное учение буддизма и его философию, проникнув во многие тайны существования восточных религий, он никак не мог избавиться от европейского образа мышления и принять их манеру поведения. Но самое главное осознать, зачем эти высокообразованные, мудрые люди живут на свете, что движет их жизнелюбием, веселостью и простотой, иногда доходящей до детскости состояния, как у высокопоставленных чинов СС? С последними было все понятно, для них во главе угла стояло ощущение собственной власти, которой они упивались по своему неразумению, и что говорило о подростковости их психологии. Но что вдохновляло монахов в затерянных горных обителях, дабы радоваться жизни так, как радуются ей бессмертные?

Эти вопросы Вальтер задавал себе, пока не оказался у совсем дряхлого, немощного настоятеля отшельнического пещерного дацана, расположенного выше границы снегов. Там и было-то всего около десятка насельников, причем, таких же старых и не приветливых. Однако странник был приглашен в ледяную келью ламы, где сам он сидел на каменном полу в какой-то вялой полудремной нирване и почти не реагировал на окружающую реальность. Соблюдая общую канву ритуалов, Вальтер сел напротив и, пожалуй, битый час рассказывал о Германии, истории народа, его стремлениях и воззрениях, чувствуя, что говорит в пустоту. Наконец, настоятель будто очнулся, увидел посланника и долго, не мигая, смотрел на него, так что Вальтер ощущал желание съежиться, сжаться, чтобы стать неуязвимым. Потом без всяких просьб и команд в келью вошел послушник и подтащил к старцу тяжелый каменный сундук на деревянных полозьях. Подняв крышку, он извлек каменное изваяние Махакалы, загадочного божества Великого Времени, поставил перед гостем и удалился.

Тем часом настоятель все еще продолжал пожирать его глазами, отчего Вальтер уже казался себе щепотью мелкого песка, которым отсыпают мандалы. К его созерцательному, но умаляющему взору добавился устрашающий взгляд безобразного Махакалы, и Вальтер едва все это выдерживал. Еще бы немного, и он бы убежал отсюда, но старец достал из каменного сундука сначала склянку с неким веществом, напоминающем битое стекло. Он высыпал на ладонь несколько осколков, выбрал один более-менее похожий на кристалл, и остальные небрежно бросил на пол. Выбранный же вставил в некий прибор, напоминающий морскую улитку-раковину и поднес ее к уху. Руки у ламы тряслись, раковину он прижимал не плотно, поэтому Вальтер услышал голоса, сначала на фарси, затем на хинди – эти языки он знал и определил сразу. А далее послышались некие азиатские наречия, отчетливо промелькнули китайский и славянский, и наконец, зазвучали европейские, в частности, испанский южно-американского разлива и английский Соединенных штатов. Некоторые голоса были явно дикторские, но

в большей степени обычные бытовые разговоры, как в радиоспектаклях. И все чуть искаженные эфиром: было чувство, что настоятель крутит ручку настройки радиоприемника, перебегая с волны на волну, хотя он ничего не крутил, а только слегка потряхивал прибор. Наконец, из раковины поплыла немецкая речь, и старец замер, вслушиваясь.

Вальтер тоже затаил дыхание, ибо давно уже не слушал радио, не знал последних событий с восточного фронта. По монастырям он ходил в сопровождении одного охранника, который изображал из себя носильщика, без радиостанции, поскольку радисткой была женщина, а ему, монаху-аскету быть в ее компании не полагалось. И тут он услышал сообщение, повергшее его в шок: маршал Паулюс сдался в плен вместе с остатками своих войск! Причем, его называли почему-то фельдмаршалом, и говорили об этом событии, как о давно состоявшемся, то есть, уже без трагического пафоса. Комментатор призывал войска и всех немцев к стойкости и мужеству, вспоминая времена, когда Германия была боевой сутью Римской империи и ее железные легионы громили врага.

Как-то отстраненно послушав сообщение несколько минут, настоятель вернул раковину в каменный сундучок, после чего трясущимися, заскорузлыми руками сгреб, и потом аккуратно собрал рассыпанные по полу кристаллы, спрятав их в склянку. Вальтеру показалось, даже пересчитал и тоже убрал, плотно закрыв крышку.

– Да, твоему народу следует помочь. – заключил настоятель дребезжащим голоском. – Он мужественно воспринимает удары судьбы, и готов лицезреть свое будущее. Я сам созову братьев, которые тебе нужны.

При этом говорил на хорошем немецком! Но не это в тот миг поразило воображение Вальтера, и даже не трагические события в Сталинграде; его внимание приковалось к раковине, сквозь которую старец, сидя на горе за границей снегов, внимал всем эфирным голосам. Он успел рассмотреть ее, в общем-то невзрачное изделие, выточенное из какого-то пятнистого камня. Вероятно, эта раковина была лишь вместилищем, корпусом кристалла, вставленного в нее, а уже через него можно было слушать весь мир!

Лама посчитал встречу законченной и снова впал в некое старческое бездумное или медитативное состояние, а в келью тем часом вошел слуга и показал знаками, что пора уходить. Вальтер покинул убогое жилище дряхлого старца и оказался в теплом помещении монастыря, где была выставлена обильная вегетарианская еда, хмельной напиток, напоминающий суру и постель с пуховым матрацем и одеялом. Наскитавшись в холоде, а монахам-аскетам воспрещалось носить меховую одежду, Вальтер все время зяб, и тут, вкусив неожиданно богатой монастырской пищи, непроизвольно повергся в сон – и даже память о чудодейственной раковине с кристаллом не удержала.

Непонятно, сколько он проспал, однако проснувшись, сразу же определил, что находится в другом помещении, а позже выяснилось, и в другом дацане. Тут же, выстроившись строгими рядами, сидят монахи, ровно сорок, причем, старые и молодые: престарелый настоятель сдержал свое слово. Все они были погружены в глубокое медитативное состояние – по виду, так натуральные мертвецы. Но стоило Вальтеру пошевелиться, как монахи встрепенулись, ожили и выразили готовность следовать за ним в Германию.

Для начала Вальтер вздумал выяснить, как и почему оказался здесь, однако монахи будто не понимали, объясняя, что мир следует воспринимать таковым, какой он есть и не пытаться изменить его природу. Вальтер отнес это к языковым проблемам, поскольку изъяснялся на разговорном тибетском, знать который в совершенстве было не возможно, родившись европейцем. И под впечатлением от встречи с настоятелем высокогорного дацана, сначала осторожно попытался выяснить, каким образом тибетские монахи, сидя в холодных горах, владеют полным знанием, что творится в мире. Они же, как-то недоуменно переглядываясь, тыкали пальцами в небо и произносили одно слово:

– Прахаравата.

Что оно означало, Вальтер не понимал и перевести его не мог – всего лишь догадывался, что связано оно с небом и воздухом, то есть, с эфиром. Тогда он попытался расширить диапазон и задал конкретный вопрос, как и каким образом они получают информацию, что происходит в мире, если живут изолированно и нет радио. Монахи опять переглянулись и уже с опаской показали в небо:

– Прахаравата.

Но после прямого вопроса, что это такое, и как можно услышать голоса, они неохотно и уже со страхом и путано объяснили, что Прахарвата это нечто божественное, существующее в небе. Скорее всего, кладовая знаний, некий источник, откуда можно почерпнуть любую информацию, а прибор с кристаллом, с помощью которого слушают, называется Ухо Будды. Но есть еще Сваты – престарелые монахи, тулку и девственницы в женских дацанах, которые владеют Оком Будды. Пользоваться божественным слухом и взором можно лишь тем, кто достиг духовного совершенства и не подвержен соблазнам и искушениям всего остального мира. В противном же случае Прахарвата незаметно и исподволь вынимает светлую душу и вкладывает черную. Человек сначала перестает отделять правду от лжи, прошлое от грядущего, а потом добро от зла и постепенно разрушается.

Вальтер отнес бы это к одной из тысяч красивых легенд, которыми тибетцы любили потчевать европейцев, если бы сам не подслушал голоса из раковины. Но даже не это приводило в шок. Вскоре после аудиенции у престарелого ламы в высокогорном монастыре он заказал радистке сводку с восточного фронта и когда ее получил, глазам своим не поверил. Маршал Паулюс доблестно сражался в Сталинградском окружении и к нему на выручку шел Манштейн. Ни о какой сдаче в плен не было и речи! Полагая, что ему прислали устаревшую информацию, он сам надел наушники, прослушал последние известия из Сталинграда, причем на немецкой и русской волне, и вот тогда-то испытал нечто вроде паралича. Ухо Будды вещало о будущих событиях!

Тем временем Вальтер готовил группу монахов к переброске в Рейх, занимался делом важным и ответственным, а сам по прежнему находился в заторможенном или точнее, замороженном состоянии. По инструкции он должен был составить срочный отчет о произошедшем событии и шифрованным текстом донести полученную информацию до своего непосредственного начальника – Вальтера Вюста, и не имело значения, проверенная она или нет. Сам он был почти убежден, что события в Сталинграде развернуться так, как услышал с помощью Уха Будды, но все-таки еще надеялся на некую ошибку, случайный промах, сбой. Вальтер понимал, отчего это происходит: стоило мысленно произнести слово Прахаравата, и его охватывал студеный страх – точно такой же, каким его испытывали тибетские монахи. Он прикасался к некому запретному, запредельному явлению, и опасался поверить в его существование, ибо привычный мир в тот же миг бы опрокинулся.

Одновременно Вальтер понимал, что стоит сообщить об этом руководству Ананербе, как в тот же час последует приказ остаться на Тибете и провести более детальное исследование этого явления, собрать полную информацию и желательно заполучить Ухо Будды или даже его таинственное Око. Чинам из СС с их взрослой детскостью, и прежде всего президенту общества Гиммлеру захочется немедленно все это иметь, как заветную игрушку, а Вальтер почувствовал некое отторжение, или точнее, пресыщение от всего увиденного и услышанного. Тем более, он странствовал по монастырям уже несколько месяцев, чувствовал психологическую усталость и намеревался выехать с Тибета вместе с монахами.

Обуреваемый тяжкими размышлениями, он придумал вескую причину, объясняющую, почему сразу не послал шифрованный отчет руководству: информацию о Прахаравате и об Ухе Будды невозможно было зашифровать так, что было бы понятно, что это за явление и приборы. Но главное, если Прахаравата существует, то любой шифр в радиограмме будет немедля прочитан теми, кто владеет Ухом Будды, а тем паче, всевидящим божественным Оком. И не известно,

как этому отнесутся в тибетских монастырях, в частности, этот дряхлый старец, отпустивший с ним в Рейх сорок своих братьев. Надежнее было под видом странствующих монахов вывести их в условленное место, куда через захваченную японцами, Манчжурию, будет прислан специальный самолет, вылететь в Германию вместе с ними. И уже там, в спокойной обстановке доложить на собрании общества о чудесах небесного информативного потока, в котором есть все, что было и еще будет.

Пока вспомогательная служба готовила караван к переброске монахов, сам Вальтер вел с ними разведочные беседы, пытаясь расширить свои знания. Говорить о Прахаравате они по прежнему не желали, либо делали это весьма сдержанно и с заметным испугом. Но зато более спокойно рассказывали об Ухе Будды, хотя в группе не было ни одного, кто бы по своей охоте пользовался этим прибором. Иное дело, изредка настоятель понуждал их слушать Прахаравату, чтобы овладеть теми или иными знаниями или получить информацию, что происходит в мире. Всем им было не запрещено слушать и заглядывать в будущее, однако этого никто не делал, ссылаясь, что излишние знания им в тягость, и только Будде позволено взирать на мир божественным оком, либо тем, кого он избрал своим Оком на земле – Сватам, владеющим его слухом и взором.

Мало-помалу Вальтер выяснил, что сама раковина Уха Будды выточена из лавовой породы, которую добывают из жерла потухшего вулкана. Из нее же сделан сундук и круглый валик, который старец-настоятель подкладывал себе под ноги. Но самое главное, что из того же вулкана достают кристаллы! И это самая хрупкая точка Земли и там даже разговаривать громко нельзя. Ибо в жерле его спит Глас Будды! Поэтому вулкан иногда так и называют, однако где он точно находится, никто достоверно не знает. По наслышке монахам известно, будто бы в Гималаях, где-то в Непале, а иные утверждали, в какой-то северной стране. Не чаще, чем раз в сто лет туда посылают монахов, которые или живут в пещере, или находятся там в состоянии сомати. Только им известно, где вулкан и как добывать Вату-ха – так называют кристаллы. Одни говорили, их достают из жерла, другие напротив, утверждали, что они прилетают с неба в виде звезд и рассыпаются по земле. Ранее добытые и принесенные, они со временем теряют свои свойства, и становится невозможно слушать голоса Прахараваты. Тогда и снаряжают монахов, которые знают, где этот вулкан и как добывать кристаллы. Любое неосторожное действие людей не сведущих может пробудить его и тогда люди услышат Глас Будды! На земле все смешается, добро и зло, огонь и вода, прошлое и будущее, отчего люди станут безумными и наступит вселенский первозданный хаос. Потребуется восемь тысяч лет, чтобы мир вновь обрел разумность и порядок.

Вальтер понимал, что все эти россказни не более чем легенды, однако все равно испытывал студеное дыхание страха и не раз похвалил себя, что не послал шифрограмму руководству. Столь важную информацию немедленно бы довели до Гиммлера, а он потребовал бы решительных действий. Например, дал бы задание похитить Ухо Будды, либо кристалл Вату-ха и доставить в Рейх, после чего путь на Тибет был бы навсегда закрыт. Однако Вальтер был учеником Гесса и знаменитого профессора Хаусхофера, поэтому привык действовать осмотрительно и не поддаваться сиюминутным порывам, дабы угодить руководству. Когда караван пришел в пустынное место Манчжурии, куда приземлился специальный самолет Люфтваффе, Вальтер получил сообщение, точнее, заказанную сводку о положении дел в Сталинграде. Там значилось, что Паулюс, произведенный в фельдмаршалы, все-таки сдался в плен русским вместе с остатками своей армии…

* * *

В Вальдзее Вальтер приехал с утра и с единственной целью – встретиться с профессором Хаусхофером и до заседания общества обсудить с ним заранее подготовленный доклад.

После Гесса это был единственный человек, мнению которого можно было доверять смело и безраздельно. Ему единственному дозволялось думать и говорить все, что он чувствует: критический анализ, как ответвление философской науки, вообще исчез из обихода. Они не были и не могли быть друзьями, профессор относился к Вальтеру, как к своему ученику – точно так же отец всю жизнь относится к сыну. И это в некоторой степени сдерживало поток чувств и мыслей – надо было все время доказывать свою взрослость и зрелость.

Профессор ничего не знал о приключениях Вальтера на Тибете, никогда не слышал о Прахаравате и когда прочитал рукописный доклад, испытал то же самое, что некогда его ученик. Его набриолиненная прическа взлохматилась сама по себе, и возле лба выросли рожки.

– Я предполагал. – взволнованно признался он. – Предполагал нечто подобное… Но что бы такое?!…

Однако способность к критическому анализу быстро поставила на место поток чувств. В спокойном состоянии Хаусхофер казался немного ленивым и вальяжным, но это от ощущения собственной значимости. Когда-то Гесс представил его фюреру, и тот обласкал профессора, не потеряв с ним связи даже после того, как Рудольф улетел в Англию. Вальтер полагал, что главную причину перелета знает только Хаусхофер и никогда ее не назовет. Это добавляло доверия к профессору, но близость к вождю Рейха настораживала и уравновешивало чаши весов.

– Вальтер, а вы уверены, что старый настоятель дацана не разыграл вас? Записав, например, на магнитную ленту предполагаемую инсценировку события в Сталинграде?

– В таком случае этот трясущийся старец гений импровизаций, которые проделывают в Гестапо. И где-то в его убогой келье есть лаборатория, которая стряпает подобные ленты на всех языках мира.

– Да. – профессор несколько обвял. – Резонно… Как вам показалось, он понимал языки, на котором говорит это явление, именуемое вами Прахараватой?

– Я уверен – понимал. – отозвался Вальтер. – Иногда он задерживал бег радиоволн и вслушивался…

– Все-таки это радиоволны?

– Нет, скорее, некий законсервированный поток информации, внедриться в который возможно с помощью Уха Будды, либо увидеть с помощью его Ока. Причем, информации самой разной по событиям и времени. Там перемешано прошлое и будущее. Монахи утверждают, добро и зло. Надо обладать совершенным разумом и духовным потенциалом, чтобы отделять одно от другого. А чтобы находить то, что нужно, следует научиться мысленно задавать правильные вопросы. То есть, так сконцентрировать свое истинное желание, насытить такой мощной энергией, чтобы быть услышанным. У буддистов и индуистов для этого существуют специальные мантры.

– Это весьма любопытно. – как-то задумчиво заключил профессор. – И так заманчиво, что напоминает красивую легенду. Или по сути Прахаравата ею является. С материалистической точки зрения ничего подобного в природе быть не может. Должен существовать конкретный информационный носитель, некое вещество, аккумулятор. Глиняная табличка, лист бумаги… Хотя материализм возник от скудости наших знаний о природе тонких энергий. Легче их отрицать, нежели чем попытаться проникнуть в таинство параллельных структур. Это говорит о деградации человеческого разума и низменности чувств.

Он надолго замолчал, и Вальтер воспользовался паузой.

– Прошу вас, посоветуйте, что мне делать? – чуть ли не взмолился он. – У меня есть еще один вариант доклада, более напоминающий сказки тысяча и одной ночи. То есть, все на уровне легенд, слухов и фольклора…

– Ни в коем случае! – перебил Хаусхофер. – Скудоумие всегда выбирает сказочный вариант, нежели чем реалистический. И это хорошо, что вы не сообщили о Паулюсе за два месяца

до его предательства. Вас бы приняли за заговорщика, который продался русским и склонил фельдмаршала к сдаче в плен. Я отлично помню ваш опыт с туалетом…

Вальтер от его слов сам захотел в туалет, поскольку в скитаниях по холодным горам подстудил почки и теперь лечился в закрытой клинике, созданной при обществе.

– Но что мне делать? – спросил он и не стесняясь, пописал в воду – они дрейфовали на лодке по озеру, только что освобожденному ото льда.

– Заразительное это дело. – профессор встал и отвернувшись от ученика, сделал тоже самое. – Как вы думаете, это безобразное, что мы делаем… Работа сознания или подсознания?

– Русские говорят, одна кобыла всех ссать сманила. – отозвался Вальтер. – Полагаю, стадное чувство… Помогите мне, профессор. У меня есть желание все бросить, и вернуться в Брутхоф…

– Вернуться и оказаться в концлагере. – поправил Хаусхофер. – И это в лучшем случае. Ананербе никого не отпустит из своих объятий. Поэтому мой совет: доложите все, как есть.

– Но в тот же час последует команда вернуться на Тибет, добыть полную информацию по Прахаравате и выкрасть образец Уха Будды. И наверняка со мной пойдет войсковая группа СС, чтобы сделать это боевым способом. Если у меня не получится.

– Да, это вполне реально. – согласился профессор, зная расклад сил.

За блестяще проведенную операцию «Мост» Гиммлер пообещал причислить ученого Вальтера Гика к ордену СС и присвоить ему специальное звание – штандартенфюрер, что равнялось званию полковника. Сугубо гражданского человека и ученого почти насильно втягивали в круг немецкой партийной элиты, дабы навсегда отсечь все другие концы, в частности, от международного ученого мира, который к СС относился брезгливо. А после серии опубликованных статей его, как востоковеда, отлично знали не только в Европе, но и в США. Случись это хотя бы годом раньше, Вальтер бы не раздумывал и согласился, однако сталинградские события сильно пошатнули веру в безоблачное будущее. И сейчас он вынужден был придумывать причины, по которым ему было нецелесообразно засвечиваться в рядах СС. Но главной из них была тайная личная неприязнь к малообразованным и самодовольным членам этой организации. К тому же, вспомогательная группа его экспедиции набиралась из их состава, подчинялась ученому с великой неохотой и каждый его приказ обсуждала со своим руководством. Хотя он не один раз доказал свою преданность делу, обладал исключительными боевыми и волевыми качествами, и был намного сильнее каждого из этих кичливых вояк.

Хаусхофер прекрасно обо всем этом знал и разделял убеждения Вальтера. Но сейчас он показался несколько растерянным и задумчивым.

– Признайтесь мне… по старой дружбе. – проговорил он с плохо скрываемой пытливостью и надеждой на откровенность. – Вы более ничего не слышали о будущем Германии? Ушами Будды?

Вальтер заподозрил некий подвох.

– Нет, ничего больше не слышал…

– А это возможно… услышать? Или даже увидеть?

– Полагаю, да, если иметь Ухо Будды, либо его Око. И научиться правильно концентрировать энергию своего желания.

Хаусхофер задумался на минуту, и будучи человеком открытым, мыслей своих таить не умел, и Вальтер их услышал. Профессор думал о судьбе немцев. Поражение в Сталинграде его сильно подрубило, он не признавался еще себе, но исподволь думал, что это символичное начало конца. Русские не сдавали своих городов-символов, немцы не дошли до Москвы, стоял блокадный Ленинград, и был освобожден Сталинград. Всякий, кто хотя бы косвенно соприкасался с символическим рядом неосознанных действий того или иного народа, даже самого неполноценного, должен был понимать, что в процесс включаются иные силы, мало подвер-

женные осмыслению. А значит, давно пора пересматривать умозрительные теории, в том числе и о национальной исключительности.

Вальтер не обольщался тем, что умеет читать чужие мысли, но был уверен, что за годы общения с буддийскими монахами научился подключаться к потокам тонкой излучаемой человеком, энергии мысли, которая оставляет отпечаток на лице в виде определенной гримасы. И если самому изобразить на лице такую же, происходит автоматическое включение. Это происходит точно так же, как чужой смех или плач вызывает аналогичные чувства у людей посторонних и мы тоже непроизвольно начинаем смеяться или плакать.

Голову профессора охватывали мысли крамольные, запретные, чтобы произнести их вслух, поэтому он произнес то, чего требовала обстановка.

– Дорогой Вальтер… Надо любым способом заполучить Ухо Будды. Чтобы привести в чувство наших глухих политиков. Пусть они услышат голос судьбы.

И тогда он решился сказать то, что таил все это время, следуя караваном, а затем самолетом со многими посадками – в Фатерлянд. Монахи, живущие в горах, привыкли к резкой смене высот, и полет переносили хорошо. Они вошли в транс, замерли и на их лицах не дрогнул ни один мускул во время взлетов и посадок, когда как Вальтера откровенно мутило. Кроме того, давала знать простуда, и он бесконечно бегал в хвост самолета, где стоял сосуд для испражнений. И вот это блевотное чувство сохранилось даже после трехсуточного отдыха в палате закрытой клиники, где он лечился и писал доклад.

– Я готов вернуться на Тибет. – признался Вальтер. – Там появилось много друзей, которые помогут выполнить любую задачу… Но есть уверенность, что руководству общества будет мало добыть каменное Ухо Будды. Как мне показалось, кристалл Вата-ха теряет свои свойства после одного сеанса связи. Думаю, президент Ананербе со своим образованием агронома не способен понять истинного предназначения Прахараваты. Он привык к практическим действиям, к материалистическим представлениям о мире, хотя считает себя оккультистом и мистиком. Он потребует установить местонахождение вулкана. И если не овладеть этой территорией, то наладить тайную добычу камня и кристаллов.

Он старался говорить мягко и обтекаемо, без резких выпадов, но профессор его понял.

– Да, аппетиты у нашего руководства, как у голодного волка. – согласился он. – В первую очередь они пожирают не плоть, а внутренности. Сердце и печень. Агрономы одержимы желанием управлять процессами вегетации. Даже теми, о которых имеют смутное представление. Но мы, немцы, взяли на себя миссию быть доминирующей нацией. И это придется оправдывать.

– И это же нас погубит. – вслух проговорил Вальтер, но развивать мысль не стал.

Хаусхофер слегка насторожился.

– Мне кажется, вы услышали нечто большее, чем измена фельдмаршала. И советую вам ничего не скрывать…

– Что услышал, изложил в докладной записке. – отпарировал Вальтер. – Все остальное – плод моих размышлений. Которые можно расценить, как пораженческие настроения. Русские не сдали ни одной своей святыни. И это их вдохновляет, когда мы терпим неудачи и откровенное предательство.

– Не горячитесь, мой друг. – профессор сел на весла. – Знания умножают печали, и в этом суть мужества всякого ученого. Наберитесь его и поезжайте на Тибет. Там вы принесёте истинную пользу Германии.

Последняя фраза профессора прозвучала двусмысленно. Однако углубляться в нюансы уже не осталось времени. Лодка ткнулась в берег, и стражник в форме СС примкнул ее к пирсу.

– Вас ждут в зале заседаний, господа.

3

Настоящие арестантские камеры в поселковом отделении погорели еще до войны, сами сидельцы и подожгли. Построить новые не успели, приспособили старую хомутовку и конскую парилку – в милиции до сих пор лошадей держали, причем, самых лучших. Ерему посадили в одиночную камеру, то есть, в бывшую парилку, где раньше коней от чесотки лечили, навечно пропахшую лекарством, до сей поры выедающим глаза. Поэтому в Потоскуе говорили, не в камере посидел, например, за хулиганство, если давали пятнадцать суток, а в хомутовке был, поскольку гоняли на принудработы. Если же по уголовной статье залетел, означало от чесотки лечат, и это надолго. Стены и потолок толстыми досками обшили, новые полы настелили, и все равно воняло. Юлианов сам ее осмотрел, проверил надежность двери, замков и остался доволен. Одиночка была по соседству с общей, поэтому за стеной стоял ровный гул пьяных голосов: день был субботний, в Потоскуе с золотых времен разгульный, и сидельцев хватало.

Только заполночь люди там угомонились, и Ерема, отчаявшись сегодня же выйти на свободу, страдал от голода и после таежных благостных ароматов никак не мог принюхаться к мерзкому запаху. Камера и совет особиста подумать встревожили его, и хоть ничем особенным пока не угрожали, однако заронили мысль о побеге… Если бы у капитана было что предъявить и чем припереть, давно бы уже припер, а он закидывал каверзные вопросы про злых духов наугад, верно, полагаясь на простодушие – вдруг проговорится?

Конечно, подозрительно, что Осягин закупил продукты, которые раньше не брал, потому и решил, чтоб задобрить духов. И про лампы к радиопередатчику почти в точку попал, но сделал это с прицелом на его одичалость в тайге – припугнуть хотел. Поэтому и аэродромную службу в Германии вспомнил, справки навел, про квартирную хозяйку узнал. Перед демобилизацией из армии его не так пугали, неделю в изоляторе продержали, и допросы в военной прокуратуре каждый день, а потом еще беседы в политотделе о моральном облике советского солдата. Он знал, что чист, ничего предосудительного не совершал, стоял на своем и выстоял. А тут почуял, Юлианов словно подкрадывается к нему, умышленно путает дурацкими вопросами, но в любой момент может задать конкретный, и тогда будет трудно отвертеться. А в нем чувствуется и хитрость, и сила одновременно: рот большой, а губы тонкие – верный признак коварства. Сейчас хоть пятьдесят пятый год, не прошлые времена, но все равно могут засадить.

Еще в юности они с отцом приводили сюда парить казенную лошадь, и в торцевой стене, где сейчас стояли нары, тогда была овальная дыра, куда конь высовывал голову, чтоб не дышать ядовитым лекарством. Сейчас вся стена оказалась зашита широкими и толстыми плахами: если не знать, сроду не догадаться. Ерема отодвинул нары, первую доску отодрал – точно, дыра на месте, слежавшимся тряпьем забита, а снаружи опять доски. В юности казалось, дыра большая, но тут ощупал, едва ли протиснешься. Однако если еще пару досок оторвать, ночью попробовать можно!

Ерема поставил доску и нары на место и лег: приятно сидеть, когда знаешь, что всегда есть надежда удрать. И почти задремал, но тут входит Володька Мефодьев, еще школьный приятель – дежурным заступил и узнал, что Осягина закрыли МГБешники по своей линии. Милиционеры их не любили, поэтому Мефодька выразил свое сочувствие, мол, тебя не первого сюда бросают, троих из Потоскуя уже сажали и потом выпустили. А чего добиваются, не понять, должно быть, дело у них секретное. Но говорят просто оперативное изучение обстановки в районе. Слово за слово, разговорились, школьные годы вспомнили, Ерема и попросился у него домой сбегать, перекусить, мол, с утра голодный. Мефодька поразмыслил и отпустил.

– Только не подведи, часа два хватит?

Пришлось побег отложить – у соржинских казаков все на доверии было. Прибежал домой, а у отца Лаврентий сидит, председатель райисполкома. Как Ерема из тайги вышел, они с

братом еще не виделись и тут обнялись. Сразу стало понятно, встревожился Лаврентий, узнав, что Ерему посадили, как никак ответственная работа, а тут брат под следствием у МГБ.

– Отпустили? – обрадовался. – Или сбежал?

– Поесть отпустили…

Отец на стол собрал – Ерема сразу навалился на картошку с мясом и соленые огурцы.

– Ну и нервы у тебя! – понаблюдав за ним, восхитился брат. – Благотворное влияние природы! Ох, как я хочу обратно в Соржинский кряж! Кто бы только знал…

– Тебя день-то не покорми. – проворчал отец. – Небось, три раза в день лопаешь, в кабинет приносят. В соржинский кряж он захотел! Да тебя палкой не загонишь!… Ты ешь, ешь, Ерема!

– Смотри, сбежать не вздумай. – предупредил Лаврентий, проглотив отцовскую реплику. – Надо, чтобы сами отпустили. Сбежишь, сразу виноватым объявят розыск, вне закона будешь. Ты прокурора требуй!

Лаврентий уже давно привык к своему начальственному положению, однако френчей и галифе не носил, цивильно одевался, в костюм, хотя ездил в бричке и говорил всегда со смешком превосходства.

– Если МГБ дело ведет, ни один прокурор не указ. – заметил отец. – Делают, что хотят!

Брат рассмеялся:

– Сам-то как думаешь, за что упекли, поскребыш? Что такое натворил? Признавайся, как на духу!

Но чувствовалось, самому не до смеха, потому ночью и примчался – должно, отец сообщил, что Ерему закрыли.

– Не в чем признаваться-то, Лаврентий. – посетовал тот, уминая свининку, по которой соскучился. – Не понравилось ему, как говорил…

– Кому не понравилось?

– Да особисту этому, Юлианову.

– Слышал, говорят, въедливый мужик…

– Еще какой въедливый. – со стариковским кряхтеньем подхватил отец. – С меня подписку взял, о не разглашении, про что допрос был.

– Ты что, бать, даже нам не скажешь? – спросил Лаврентий.

– Ну вам-то скажу. – помедлив, сдержанно проговорил тот. – Начал поминать золото, что у китайца отнял. Прямо за горло берет! Говорю, в войну на танк сдал, так неделю проверял, шельмец. У него, видишь ли, подозрение имеется, будто я того хунхуа под мох спрятал. Или давай пытать, почему я промысел бросил! Какое ему дело, почему!

– Правда, бать, а почто бросил-то? – подхватил брат. – Сейчас бы героем труда ходил, никто бы не цеплялся…

– А ты почто? – сразу взъелся отец. – В начальство пошел? Свалил родовые угодья на поскребыша, и рад.

– Меня назначили. – увернулся тот. – Не мое желание, кому-то и управлять надо. У меня не угодья – целый район в руках, размером с Данию и Голландию. А вот, батя, почему ты тайгу бросил – вопрос.

– Я тоже не по своей воле. – вдруг признался отец и замолк.

После службы, отправляя Ерему на Соржинский кряж, он все же рассказал, отчего так скороспешно оставил промысел. В злых духов, пробужденных шаманами, сам он не верил, хотя старики говорили, и такое возможно, начнут преследовать всячески, пугать, пакостить и выживут из тайги. Лука Прокопьевич признался в сокровенном, считая, что у него от одиночества болезнь души приключилась, стали чудиться голоса. Пока идешь или чем-то занят, не слыхать, но отдохнуть присядешь или спать ляжешь, тут и начинается. Сначала будто далекие, не разборчивые, как эхо, но потом словно наплывают, и уже как по радио слышно. Иногда эти

голоса одинокие, а чаще будто много людей разговаривают между собой или вовсе толпа гудит и понятны лишь отдельные слова. Жутко становится! Особенно если тебя окликать по имени начинают, или слышишь знакомые голоса, а еще страшнее – своих близких. Лука Прокопьевич много раз слышал, как его сыновья звали, бывшие тогда на фронте. Бывало, старший Иван аж ревет, как медведь:

– Помоги, батя! Помоги, пропаду!

И Лаврентий не раз взывал:

– Батя, спаси! – и не сдержанный на язык, матерился. – Ох, как мне хреново!…

Это, наверное, когда небо у них было с овчинку. Лука Прокопьевич поначалу не знал, что и думать. В первую очередь кажется, гибнут сыновья или вовсе погибли, вот и блазнится, но прибежит в Потоскуй – похоронок нет, напротив, бодрые письма, как врага добивают, медали получают и шагают по странам Европы. Тогда он и понял, что от одиночества и тоски болезнь с ним приключилась, вышел из тайги, и как рукой сняло.

А Ерема тогда послушал отца, ушел на самый юг Соржинского кряжа и скоро забыл про его откровения. Какие тут голоса, если в ушах только собственная кровь стучит, ну еще кухта снега с ветки сорвется да прошуршит или зимняя синица свистнет. В остальном белое безмолвие, как пишут в книжках. Год один в тайге прожил – ничего не слыхал, и только к концу второго ему не голоса стали чудиться, а женский смех. Началось с того, когда однажды Ерема на ходу в небо загляделся и упал. Тут впервые и услышал за спиной, да такой веселый заливистый, что вскочил, огляделся – никого! Думал, показалось, или птица какая-то завелась. Потом как-то днем сидел у окошка, шкурки с соболей снимал, и слышит, сквозь метельный вой опять тот же смех за дверью. Подкрался, прислушался, думал, ветер завывает – нет, точно, женщина смеется! Ерема резко так дверь распахнул и в это время ему снег на голову обрушился с крыши, наметенный заструг оторвался. А невидимая женщина еще громче и задористей хохочет.

С тех пор и началось, если не каждый день, то через день слышит: то веселый, то вкрадчивый, и все время неожиданно. Ерема и отпугивать пробовал, даже стрелял вверх, и разговаривал, просил, чтоб отстала, но сам-то понимал – от тоски и одиночества ему грезится. Как отцу голоса чудились, так ему смех – хоть промысел бросай и выходи к людям! Но потом обвыкся настолько, что стал себе воображать разные картины, но с одинаковым сюжетом. Хорошо бы было, если бы какая-нибудь девушка пошла в лес, заблудилась, а он бы ее нашел. Нашел и оставил в избушке – а куда ей податься? При этом Ерема понимал, что мечта эта вздорная, дикая, до ближайшего жилья больше ста верст, да и нет в округе таких девушек, чтобы осмелились в такую глушь пойти, да чтобы еще ему понравились. И все равно мечтал, рисовал в воображении эдакую скромную и прекрасную царевну-лебедь и думал о ней, как только слышал смех. Иногда во сне ее видел, но сказочная девица почему-то походила на немку Гретту или на Лиду Дербеневу, соседку, живущую в Потоскуе.

Лаврентий в тайге поработал мало, ничего этого не испытал, поэтому и прицепился к родителю.

– Я по воле партии промысел оставил. А ты по чьей?

Отец умел держаться при любых обстоятельствах – сказывалась работа в приискательской артели, где мужики были, палец в рот не клади. Поэтому он и поведал среднему сыну, что рассказал особисту историю про якутских шаманов и злых духов, которые выжили его с промыслового участка в Соржинском кряже. Да так убедительно, что Лаврентий даже головой потряс.

– Ты что, бать, правда в духов веришь?

– Посидел бы в тайге, как Ерема, – отпарировал тот. – И посмотрел бы я на тебя. Кто ближе к природе, к тому и духи являются. Они что, в райисполком к тебе пойдут? Туда другие духи ходят…

И перекрестился.

– Нет, оно конечно. – согласился Лаврентий. – Бога нет, но что-то есть такое…

И сам как-то смущенно замолк. Отец поерзал.

– Не знаю, правильно ли… Но я капитану про духов сказал. А он заподозрил, будто духи, это какие-то люди.

– У меня тоже такое впечатление. – согласился Ерема. – Только он впрямую не говорит, все намекает…

– Что ему надо от тебя-то? – уже озабоченно спросил Лаврентий. – Про что хоть речь ведет?

– Да у него не поймешь, что хочет. – отмахнулся Ерема, – Крутит, вертит. То почему я галет ящик взял, сгущенки и шоколаду, то про лампы эти…

Брат глаза вытаращил:

– Ты что, и впрямь шоколаду в тайгу купил?

– Купил, ну и что? Нынче меду-то нету.

– Меду нету. – загоревал отец. – Шесть семей за зиму отошло. Остальные слабые, едва живых выставил. Хорошо, верба раньше зацвела…

– А что за лампы? – спросил Лаврентий.

– К приемнику, хотел радио починить…

– Я же тебе дарил приемник! Новенький…

– Так он не берет на Сорже. Одни помехи ловит…

– Антенну надо поставить.

– Пробовал… Надо мощный приемник. Вот я и хотел собрать, лампы киномеханику заказал…

Отец послушал сыновей, повертел головой, верно, не понимая, о чем они толкуют и вдруг заявил:

– Ерема, женить тебя надо! Хватит жить отшельником. Не то в тайге совсем одичаешь, с ума сойдешь.

Это он на голоса, на свою болезнь намекнул. Или догадывался, что Ереме одному в тайге не сладко. Лаврентий за словом в карман не лез, подхватил со смешком:

– Женишься, будешь не радио слушать, а жену! Без всякой антенны.

– Ты не смейся! – оборвал его отец. – Казаку скоро три десятка, борода до колен, а все без всякой привязи…

– Не хочу я привязываться! – слабо воспротивился Ерема и ощутил жар на лице. – Еще успею…

– Верно, поскребыш! – вдруг поддержал брат. – Под юбкой насидишься. Погуляй, вольный казак…

– Хватит, нагулялся! – отрезал отец. – Не отпущу, пока не женю! Вот вам мое родительское слово.

Ерема еду отодвинул, бороду почесал, попробовал смоляной ошлепок вырвать – не получилось.

– И на ком ты меня женишь? – спросил задиристо.

– Теперь уж и не знаю, на ком. – сокрушенно вздохнул родитель. – Добрые девки давно замуж повыходили. Из армии пришел – первый жених в поселке был. А теперь что от тебя осталось? Одна бородища да глаза дикие… Ну, Дербеневская девка, может и пойдет…

– Да она же придурошная…

– Тебе умную подавай?

– Нет, бать, у Дербеневых лучше не брать. – осторожно заступился Лаврентий. – Ихняя Лидка в каждом классе по два года сидела.

– А кто теперь за него пойдет? – не сдавался отец. – За отшельника дикошарого? Лидка хоть и с придурью, но девка душевная, обходительная. И все про Ерему спрашивает, ждет, когда из тайги выйдет.

– Да какая женитьба? – решительно отмахнулся Ерема. – Не придумывай, батя… Меня вон от чесотки лечат! И когда вылечат – не знаю. Но это судьба такая, наказание мне.

– Наказание? – изумился Лаврентий. – Ишь ты, какой набожный стал!

– Какой я набожный?… Однако в судьбу верю. Если раз сплоховал, характера не проявил, потом обязательно аукнется. Жизнь заставит исправлять, даст мордой об лавку, запустит на новый круг.

– И что, запустила? – съехидничал брат.

– Запустила. – сдержанно признался Ерема. – Особист грозится вообще посадить!

– За что тебя садить-то? – возмутился отец. – Ты у меня всегда самый умный и смирный был…

И почему-то оборвался на полуслове. Зато брат папироску закусил и прищурился.

– А ты ничего не скрываешь? Юлианов не зря прицепился, что-то вызнать хочет.

– Подозревает, для злых духов продукты купил…

– Скажи-ка мне, сынок. – неожиданно встрял отец. – Это правда, что капитан про Германию рассказывает?

Ерема насторожился.

– Что он рассказывает?

– Будто у тебя там баба была, немка.

Лаврентий папиросным дымом захлебнулся.

– Слушай его больше! – огрызнулся Ерема. – Наврали все, оговорили. Ничего не было!

– Ну-ка, ну-ка! – прокашлялся брат. – И помалкивал?

– Что говорить-то?

– Так было или нет?! – застрожился отец. – Была немка?

– Немка была, квартирная хозяйка. – признался Ерема. – Когда увидел, так ее жалко стало. Ходит у ворот, плачет.

Последние слова произнес так, что Лаврентий рассмеялся – не поверил.

– Да ладно темнить-то! Дело прошлое. Ну, ты даешь, поскребыш. А на вид тихоня, интеллигент! Тебя за это и из комсомола турнули?… Всю карьеру себе испортил. Как тебя теперь в партию принимать? Как герой труда годишься, а как лисность?… Биография не проходит.

– На что мне это в тайге?

– Ничего, пригодится! – серьезно заверил брат. – Партия, это путь, это шанс стать большим человеком… Между прочим, я жду назначение в обком.

– Ох, не связывался бы ты с ними, Лаврентий. – простодушно посоветовал Ерема. – Наш дед не зря отказался.

– С кем это – с ними?

– С коммунистами.

– Чьи это ты слова повторяешь, поскребыш? – встревожился брат. – Что несешь? Да, подействовала на тебя Германия.

А отец понял по-своему.

– Он как покойный дед, в тайгу ушел – не выманить. – заключил он. – И жениться не хочет, умную ему подавай… По этой немке сохнешь?

У Еремы от обиды челюсть свело.

– Что вы пристали оба?… Я в прокуратуре оправдывался, в политотделе. Этот особист меня трепал. Теперь и вам доказательства надо? Слову не верите?

– Скрытный ты стал, Ерема. – заявил отец. – Я это заметил, как ты со службы пришел. Людей сторонишься, ничего не рассказываешь.

– Доверия у меня к людям нету. – признался он.

– И к родному отцу? – возмутился Лаврентий. – К брату?

– Я не про вас говорю. А так хочется жить нараспашку…

– Нараспашку, это как? – язвительно вымолвил брат. – Стоять и в небо пялиться? На звезды?

– Да при чем тут звезды? Хотя интересно, когда падают, можно желание загадать…

– Загадал?

– Обычно не успевал, – признался Ерема. – Да и желания были пустяковые. Нынче весной первый раз загадал. Долго звезда летела…

– Ну и что? Сбылось?

Конечно, как старший, Лаврентий имел право говорить с ним прямо и откровенно, однако это не значило – ехидно и уничижительно.

– Сбылось!

– Ерема, ты поскребыш, но ведь не дитя в самом деле! – стал выговаривать брат. – Хватит из себя блаженного корчить. Книжек начитался, что ли? Это в детстве можно небом любоваться, метеориты искать, желания загадывать…

Взаимоотношения с средним братом всегда были напряженными, Это со старшим, Иваном было просто, слушал, как отца, а Лаврентий все старался придавить, уязвить поскребыша с самого детства. И Ерема ловил себя на мысли, что все время старается его задобрить, чтобы избежать насмешек, и всегда вспоминал черное святилище злых духов. Особенно когда после каждого сезона трех вороных соболей дарил – его жене на шапку. Но она все ходила в шалях, утверждая, что теплее и привычнее. На самом деле, Лаврентий шкурки эти передаривал вышестоящему начальству – тоже злых духов задабривал.

– Много хоть насобирал? – продолжал потешаться брат. – Много звезд с неба нахватал?

– Сколько нахватал, все мои. – обидчиво проговорил Ерема и насупился.

– МГБист про твои привычки спрашивал. – вдруг вспомнил отец и насторожился. – Про увлечения… Я про книжки сказал, про звезды. Что ищешь, ходишь…. Может, зря?

Лаврентий прикурил новую папиросу.

– Да это же всем известно!… Не ты бы, так кто-то другой сказал…

– Он аж подскочил. – продолжал рассказывать отец. – И давай пытать, приносил ли Ерема домой эти звезды… Прямо взволновался! Ну, я сказал, камни какие-то находил, в хлеву прятал… А он – пойди и принеси! Покажи!… Говорю ему, да я хлев перебирал, так повыбрасывал. МГБист домой приходил, смотрел… может, он тоже звезды ищет?

– Ага, себе на погоны! – ухмыльнулся брат. – хотя бы майорскую. Сам подумай, на что госбезопасности метеориты? Если бы золотые падали, алмазные…

– Кто знает, у них ведь не поймешь, что в самом деле хотят…

Лаврентий никаких доводов слушать не пожелал.

– Пора Ереме за ум взяться! Перед людьми стыдно, честное слово. Ты же развитый парень, десятилетку окончил, отслужил. Портрет на районной Доске Почета висит! А ведешь себя, как подросток.

– Скажи уж, дурак. – уточнил Ерема. – Как в сказке два сына умных, а третий…

Брат несколько смутился, понял, что через край хватил.

– Но ведь люди смеются! Ты не обижайся, Ерема… Может в самом деле жениться тебе? Да поселиться в Потоскуе?

– Не хочу я жениться! – воспротивился тот. – И в Потоскуй не хочу. Что придумали!

На сей раз отец настаивать не стал, а как-то смущенно извлек из-за печки тряпичный тяжелый сверток и положил на колени.

– Это что? Тоже с неба прилетел?

Ерема даже разворачивать не стал, сразу понял, что такое.

– Зачем взял, батя?

– Хотел твою понягу заштопать, внизу по шву разошлась… А там пистолет лежит.

– А если бы с обыском пришли и отняли?

– Сдать его надо, Еремей. – заявил отец. – Из-за этого барахла в тюрьму садиться?…

Лаврентий тряпицу развернул и чуть только не подпрыгнул.

– Мать моя!.. Откуда добро такое?

– В тайге нашел. – признался Ерема. – Английский…

– Вот и сдать надо. – гнул свое отец. – Так и сказать, нашел, дескать, сам принес…

– Сдать?! – изумился брат. – Ты что, батя? Такая машинка один раз в жизни попадается. Посмотри, какой калибр! Медведя с ног сшибет.

Ерема поймал себя на том, что пытается угодить брату:

– Знал, понравится… Тебе в подарок и принес.

– Мне? – изумился тот, любуясь оружием.

– Так у тебя отняли, когда трофейный с фронта вез…

– Что трофейный – служебный отняли. – пожаловался Лаврентий. – Секретарям райкомов оставили, а нас лишили оружия.

– Ну вот тебе игрушка…

Лаврентий чуть только не прослезился.

– Вот спасибо, брат! Это подарок!..

– С каких это пор пистолеты по тайге валяются? – сурово спросил отец. – Я Соржинский кряж на карачках прополз. Ни разу гвоздя не находил.

– Плохо искал. – пробубнил Ерема. – Есть там места, где и впрямь жили злые духи.

Отец никак не отозвался – или таил что-то, или в самом деле думал, на кряже ему голоса только грезятся, и нет никаких пришлых людей, которые в это время горные работы на Шайке вели.

Не смотря на цивильный вид, у Лаврентия осталась казачья любовь к оружию – чуть ли не целовал пистолет!

– Батя, поскребышу во всем везет! – восхищенно произнес он. – Удачливый он у нас! Это же надо – впрямь английский. С одного бока чуть поржавел, а так в отличном состоянии… А какая механика, только послушайте! Затвор ходит со звуком поцелуя… И в самом деле, откуда, Ерема?

– Нашел. – упрямо повторил тот. – Тебе-то зачем знать?

– Часы тоже нашел? – встрял отец. – Карманные, что показывал?

– И часы нашел…

– Какой находчивый…

Родитель замолк и лишь покачал опущенной головой. Повисла тяжелая пауза. Братья сидели и ждали, что будет, и ведь дождались.

– Признаюсь вам, ребята, почему я промысел бросил. – вдруг сказал отец. – Эти уполномоченные из МГБ не первый раз сюда приезжают. Перед концом войны были, тогда еще НКВД называлось. Целая артель их приехала, как раз на майский праздник. Этот Юлианов тогда еще лейтенантом ходил. И все ко мне – веди, показывай Соржинский кряж. Я и повел, куда денешься? На трех лодках вверх поднялись, по большой воде. Потом целый месяц водил их по кряжу. Они и тогда что-то искали, а что, не говорят. На горах посты ставили, ночами в засадах сидели. Потом самолет вызвали, полдня в небе кружил… В общем, весь кряж исползали вдоль и поперек. С меня подписку взяли, чтоб молчал. А если чужих людей встречу, найду что-либо небывалое, немедля сообщить в НКВД. Грешно признаться, ребята, но мне как-то жутко там сделалось. Да еще эти голоса…

– Вот, а говорил, по здоровью. – с усмешкой заметил Лаврентий. – А что за голоса?

– Сам не знаю. – уклонился отец. – В ушах стоят, как звон…

– Это от тишины. Что хоть искали?

– Разве скажут?… А теперь думаю, искали то, что Ерема нашел. Вот и треплют… Сдать бы надо находки свои. Боюсь, посадят тебя…

– Как раз – сдать! – брат спрятал пистолет во внутренний карман. – Не ежовские времена, не посадят. Похлопочу. Завтра начальник этого Юлианова приезжает. Целый полковник. Мимо меня уж никак не пройдет…

* * *

На третьем году промысла, к исходу зимнего сезона, когда уже наст вставал по утрам, и пришло время спускать ловушки, вдруг средь белого дня в небе звезда загорелась. Крупная такая, с лиловым оттенком и дымным хвостом. Ерема сразу же понял – метеорит! Вошел в воздушную атмосферу, вспыхнул и теперь летит к земле по касательной, будто факел.

Над его угодьями, над всем белым пятном звездопады частенько случались, особенно по осени, так словно дождь, сыплются. Но так, чтобы днем, да еще с дымным шлейфом, такого еще не видывал. Идет медленно и землю освещает, вершины гор – светлое пятно бежит! Ерема непроизвольно сам следом за звездой потянулся, показалось от земли отрываться начал, и тут вдруг опять женский смех! Как всегда в самый неподходящий момент. И Ерема не то, чтобы загадал желание – скорее, ругнулся про себя:

– Да появись же ты когда-нибудь, мать твою..

Смех оборвался и почудилось, звезда сделала зигзаг или хвостом вильнула, в общем, изменила курс и стала приближаться к земле. Эх, жаль, далековато упадет, километрах в двадцати, и скорее всего, в тайгу рухнет, за гору. Вот если бы на плоскую и ровную, как стол, вершину, можно было бы скоро найти. Эти гигантские скальные выступы возвышались над лесом, как неприступные крепостные стены, иные до километра высотой, и каждый имел название, данное еще дедом Еремы. Для всех оно, конечно, белое пятно, а Лука Прокопьевич Ереме дал карту, сочиненную еще дедом, где каждый ключ и все промысловые избушки отмечены, каждый камень нарисован, и с точностью до сотни шагов. Соржинские казаки пришли сюда с Урала, поэтому горы называли камнями. Дед Прокопий рассказал, как однажды белые навалились на его партизанский отряд и чуть не порешили, однако он увел своих бойцов в недра кряжа, под камень с названием Шайка и там спрятался. А каппелевцы, что догоняли, заблудились в горах, месяц блукали по неведомым таежным просторам и только треть их назад вышла, да и то многие с ума посходили.

Так вот, показалось, метеорит упал где-то между Наковальней, по форме и впрямь похожей на кузнечную наковальню, и Шайкой – круглой горой с приподнятыми краями, откуда весной срывались водопады. Или на одну из них, поскольку камни стояли почти в линию, несколько перекрывая друг друга. Вершины их осветило, но точнее было не засечь из-за большого расстояния, и ни взрыва не последовало, ни даже отблеска – будто в воду ушел.

В том краю было два зимовья, но в этот год путика Ерема не нарезал, ловушек не настораживал и за зиму ни разу не бывал. Иногда промысловики держали части своего участка в запуске, если особенно раньше там было все обловлено – чтобы новый зверек отыскал тихое место, обжился и поуспокоился. А внутри Соржинского кряжа климат достаточно мягкий, кустарники, древесный подрост и прочая зелень в год дает метровые побеги. Так что приходится потом путики прорубать снова, по тамошней тайге к весне и так не пролезешь, столько деревьев наваляет, снегом нагнет – сплошные колодины да коромысла на пути.

Желание сбегать туда Ерема почувствовал, сам загорелся, словно комета, но как представил себе, что придется верст пять прорубаться сквозь заросли, всякая охота пропала. Туда – сюда сходить и метеорит поискать, считай дня четыре уйдет, а надо ловушки спускать, соболихи огулялись, а они как назло только и жируют в это время, в кулемки и проскоки лезут. Да и

так надолго не уйдешь: ладно, собакам лосинные мослы закинул, и сыты, а коню сена много не дашь, стопчет, да и на ключе прорубь по утрам долбить надо, чтоб напоить. Если морозец прижмет, мордой лед не продавит, копытом не пробьет, и будет ходить не поенный, снег грызть. Ерема прорубь лосиной шкурой накрывал, чтоб не промерзала, жеребцу ума хватает снять ее зубами, а положить на место никак не приучить: напьется, хвост трубой и полетел…

В общем, повздыхал и отложил поиски небесного посланника: вот загасит ловушки по основным путикам, а потом и сбегает. Если огненная каменюка свалилась, то всяко следы оставила – деревьев наломала, и может, кое-что пожгла. В середине апреля снег на Сорже – редкость, это потом в мае может погода покуралесить, а сейчас стояли полновесные солнечные денечки, наст до обеда держался, и надо было поспевать. У Еремы хватило бы терпения, всяко следы падения не занесет, однако на следующий день, и опять ближе к вечеру, он узрел еще одно странное явление, повергшее в шок. Или вторая звезда упала, или первая взлетела! Как раз в том месте, куда накануне рухнула, и не просто оторвалась от земли – взмыла выше Наковальни и Шайки! Повисела над ними, покачалась, изрыгая клубы вихристого дыма, и опять будто в воду ушла, разве что заревом небо осветило.

Всякое видела Ерема, насмотрелся и на летящие к земле, звезды, и на падающие в штопоре, самолеты, когда служил, даже десантников в воздухе видел, у которых не раскрылся парашют, но чтобы те, кто раз упал, на второй день взлетали – такого даже не придумать. Земля убивала все, что к себе притягивала, звезды, самолеты и людей. Это подниматься над ней было восхитительно, беззаботно и радостно, а падать всегда смертельно.

Ошалелый и прибитый, он стоял минут пять, прежде чем пришел в себя и, кажется, первый раз вздохнул. И потом весь остаток дня ходил, как зачарованный, и подумывал, что пора бы выбраться к людям, поскольку ему уже грезится наяву не только женский смех или он сходит с ума от одиночества. Ибо верил, что упавшие звезды не взлетают.

Всю следующую ночь он не спал, размышлял над своей жизнью, и уже наметил себе план – по утру, попутно спуская ловушки, рвануть к Наковальне и хотя бы разведать, что все это значит. Если ничего нет, выходит, привиделось от простого помутнения разума, и пора заканчивать с промыслом.

Чуть свет Ерема голицы прихватил и по насту прямицей к Наковальне, а она на восходе стоит розовая, как поросенок, от подножья парком пышет – там не замерзающие ключи били, вода не то, что теплая, но и не ледяная, в торосы не замерзает, под снегом утекает в речку. Дед рассказывал, раньше вообще горячие текли, так он себе на этих ключах баню ставил и большое корыто делал, чтоб купаться. Но как Тунгусский метеорит упал, от сотрясения горячие ключи закрылись, а иные остыли. Но вода будто бы все равно текла целебная. Дедова баня давно сгнила от вечной сырости, и Ерема мечтал поставить там новую, рядом с источником. Единственное неудобство – далековато от основной избушки, которую с легкой руки деда называли лабазовой. Лабаз под продукты и пушнину там и в самом деле был, на трех высоких столбах, чтоб медведь не залез, но центральное зимовье именовали так из-за ледника, который лежал на горе совсем рядом. Камень этот дед и назвал лабазом: на его вершину зимой поднимались олени и жили там все лето, или вовсе годами, не спускаясь вниз. Растительность на плоской вершине была тундровая, мшистая, корма хватало, гнус сдувало ветром, а хищники добирались туда редко. Захотелось свежего мясца, поднялся и стрелил на выбор, ибо олени там не пуганные, а добычу в ледник положил и живи все лето припеваючи, даже солить не надо.

Так вот между Лабазовым камнем и Наковальней всего каких-то двадцать верст, если по прямице, но на пути есть один совсем глухой распадок с не замерзающей речкой, дед на своей карте называл его Талым. Зимой по глубокому снегу еще можно прорубиться и ходить, если наморозить мосток из прутьев, но летом густой краснотал образует непроходимые заросли, земля глинистая не просыхает, и гнуса там неимоверное количество. А Ерема троп набил и все лето ездил верхом, продукты развозил по избушкам, травы заготавливал на еду и лекарство,

новые ловушки делал. И на коне лишь в сторону Наковального камня никак не мог добраться, потому уже третий сезон держал глухой угол в запуске. Отец это место тоже не особенно жаловал, охотился лишь по чернотропу, с собакой, а зимой редко заходил, поэтому избушки здесь стояли старые, еще дедовские, без какого-либо припаса и топились они по черному, как бани. Ерема однажды ночевал в такой, так угорел без привычки, целый день голова болела. В некоторых, помеченных на карте, он даже не бывал никогда, не знал, в каком они состоянии и пригодны ли для ночлега. Наверняка медведь позорил, печки-каменки развалил, окошки высадил, а то случается, двери вырвет и крышу проломит – это если вздумалось зверю потягаться с промысловиком за территорию и основательно ему напакостить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.